

СЕДЬМАЯ КНИГА

ЭЛИТ ХОРОШЕ
НОЛДРОК ЛИНДЭ

ВЕК НЕВИННОСТИ

Эдит Уортон

Век невинности

«Седьмая книга»

1920

Уортон Э.

Век невинности / Э. Уортон — «Седьмая книга», 1920

Блеск и лицемерие высшего света Нью-Йорка конца XIX столетия. Ачер Ньюлэнд – преуспевающий адвокат, в глубине души желающий настоящей страсти, помолвлен с милой и невинной Мэй Вэлланд, что обещает ему благодушную и спокойную жизнь. Но, когда кузина его невесты Элен Оленская возвращается в Штаты после публичного скандала в Европе, Ачер попадает в сети ее тайной власти и невыразимой красоты. Теперь он вынужден сделать выбор между миром, который он знает, и миром, о котором он мог только мечтать...

© Уортон Э., 1920

© Седьмая книга, 1920

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Глава восьмая	38
Глава девятая	43
Глава десятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдит Уортон

Век невинности

Глава первая

Январским вечером в начале семидесятых Кристина Нильсон пела в «Фаусте» в Музыкальной Академии города Нью-Йорка.

И хотя уже давно поговаривали о возведении к началу сороковых в одном из отдаленных районов города нового здания Оперы, которое по дороговизне и пышности отделки могло бы соперничать с оперными театрами блестящих европейских столиц, «сливки общества» по-прежнему довольствовались тем, что собирались каждую зиму в обветшалых позолоченных и обитых красным бархатом ложах доброй, старой Академии. Консервативно настроенная публика питала слабость к ее маленькому залу, в котором не хватало места, чтобы развернуться, из-за чего сюда не заглядывали «новые американцы» из Нью-Йорка, которых уже начинали побаиваться и сторониться; в этом зале можно было поддаться сентиментальному настроению, вспоминая исторические общества, которые здесь создавались, и наслаждаясь музыкальной акустикой, которая была поистине великолепной: этого свойства не всегда удается достичь при строительстве помещений, куда люди приходят слушать музыку.

Это было первое появление мадам Нильсон на сцене в ту зиму, и те, кого ежедневная пресса уже успела окрестить «блестящим бомондом», собирались, чтобы послушать ее, подвезжая по заледенелым, заснеженным улицам в собственных двухместных каретах, просторных семейных ландо или в менее шикарных, но гораздо более удобных «купе Брауна». Прибытие в Оперу в брауновских купе считалось не менее престижным, чем появление на публике в собственном экипаже; и отъезд тем же способом давал огромное преимущество театрам-демократам (да простит меня читатель за шутливое упоминание демократических принципов!); они могли легко вскочить в первый из стоявших один за другим брауновских экипажей, вместо того, чтобы ждать три часа, пока под портиком Академии блеснет сизый от мороза и джина нос их кучера. Именно благодаря знаменитой интуиции конюхов платных конюшен и было обнаружено, что американцы норовят покинуть места развлечений куда быстрее, чем до них добраться.

Когда Ньюлэнд Ачер распахнул дверь в клубную ложу, занавес уже поднялся, и взорам зрителей предстала декорация, изображавшая сад. У молодого человека не было никаких причин, чтобы опаздывать; отужинал он в семь часов вместе со своими матерью и сестрой после чего засиделся, дымя сигарой, в готической библиотеке с застекленными рядами книжных полок из черного орехового дерева и стульями с высокими спинками. Это была единственная комната в доме, в которой миссис Ачер разрешала курить. Но Нью-Йорк, прежде всего, столица, а в столицах, насколько известно, считается дурным тоном прибывать в оперу загодя; и то, что было или на самом деле не было дурным тоном играло не менее важную роль в жизни Нью-Йорка Ньюлэнда Ачера, чем загадочные, наводящие ужас тотемы, вершившие судьбы его пращуров тысячелетия назад.

А во-вторых он опоздал по причине личного характера. Он предавался мечтаниям за сигарой, ибо по своей природе был склонен к созерцанию. Предвкушение ожидаемых удовольствий порой давало ему более тонкое наслаждение, чем они сами. В особенности это касалось чувственных удовольствий, которые волновали его больше всего; и в данном случае момент, который он предвкушал, был настолько редким и исключительным, что, — ну, скажем, если бы он соотнес свое прибытие с появлением импресарио примадонны, то непременно упустил бы его. Ему непременно нужно было появиться в Академии именно тогда, когда она поет:

«Любит – не любит – он любит меня!» – и бросает на пол лепестки маргаритки, и в зал льются звуки не менее чистые, чем утренняя роса.

Раньше она, конечно, пела «M'ama!» вместо «Он любит меня,» – поскольку безоговорочный и неизменный закон музыкального мира требует, чтобы немецкий текст французских опер переводился на итальянский: тогда, якобы, шведских певцов лучше понимает англо-говорящая публика. Это казалось Ньюлэнду Ачеру вполне естественным, равно как и другие неписанные законы, ограничивавшие определенными рамками его существование, – такие, к примеру, как непереносимое использование двух серебряных гребней с его монограммой, покрытой голубой эмалью (они нужны были для того, чтобы аккуратно делать пробор) или появление в свете с цветком гардении в петлице.

«M'ama... non m'ama...» – в конце ее голос наполнился победным ликованием любви.

«M'ama!» – пропела она и прижала к своим губам растрепанную маргаритку. Потом она возвела огромные глаза на искусственного в делах житейских Фауста – приземистого, смуглого Кпоула. Облаченный в тесный бархатный камзол пурпурного цвета, в шляпе с пером, он тщетно пытался выглядеть так же естественно и просто, как его наивная жертва.

Ньюлэнд Ачер, прислонившись к стене клубной ложи, скользнул взглядом по сцене и принялся изучать противоположную часть зала. Как раз напротив него располагалась ложа старой миссис Мэнсон Мингот, чья чудовищная полнота давно уже не позволяла ей посещать Оперу. На всех светских раутах ее представляли молодые члены семейства. Вот и теперь в ее ложе, в первом ряду, восседали ее дочь, миссис Велланд, и ее сноха, миссис Ловелл Мингот; а за этими двумя разодетыми в парчу матронами, в глубине ложи, сидела молодая девушка в белом, которая не отрывала восторженного взгляда от двух влюбленных на сцене. Когда мадам Нильсон пропела на одном дыхании «M'ama!» – в зале мгновенно наступила тишина (в ложах всегда смолкают разговоры во время арии с маргариткой), и щеки девушки тронул легкий румянец; брови ее поднялись до самых корней ее белокурых волос, а молодая грудь покраснела вплоть до скромного декольте, обрамленного кружевной оборкой, в которую была воткнута одна-единственная гардения. Девушка перевела взгляд на роскошный букет ландышей у себя на коленях, и Ньюлэнд Ачер заметил, как она нежно прикоснулась к цветам кончиками пальцев рук в белых перчатках. Он удовлетворенно вздохнул и вновь перевел взгляд на сцену.

Немало средств было израсходовано на декорации, которые находили красивыми даже те, кто, подобно ему самому, побывал в оперных театрах Парижа и Вены. Авансцена до самой ramпы была устлана изумрудно-зеленой тканью. В центральной части сцены были симметрично разложены зеленые шерстяные подушки «мхов», ограниченные обручами для игры в крокет. Они закрывали основания «кустов», по своей форме скорее напоминавших апельсиновые деревья, усыпанные крупными чайными и алыми розами. Гигантские фиалки по размерам были значительно больше роз и скорее походили на цветные перочистки, изготовленные заботливыми прихожанками для взыскательного пастора. Выглядывая из-под розовых кустов, они уютно устроились на подушках из «мха». А все вокруг было усеяно маргаритками: они даже были «привиты» к ветвям розовых кустов, и оттого напоминали роскошное наследие легендарного в те дни селекционера Лютера Бёрбанка.

И в самой глубине этого зачарованного сада сидела мадам Нильсон в белой кашемировой шали, слегка приспущенной с плеч, затянутых в бледно-голубой атлас, с ридикюлем, приколотым к ее голубому поясу. Толстые косы были аккуратно уложены по обе стороны от ее муслиновой шемизетки. Она внимала, опустив глаза, страстным признаниям мистера Капоула-Фауста и словом или взглядом давала понять, что впервые слышит о его замыслах, всякий раз, когда он решительно указывал на стрельчатое окно в правом крыле красивого кирпичного дома.

«О, darling! – подумал Ньюлэнд Ачер, и снова с нежностью взглянул на девушку с ландышами. – Как далека она от всего этого!»

Он всматривался в ее юное личико, на котором застыло несколько напряженное выражение, и его охватывал трепет; в нем говорило чувство собственника, любующегося предметом своей страсти с нескрываемой мужской гордостью, но в то же время его переполняла бесконечная нежность по отношению к ней, такой юной и чистой, заслуживавшей преклонения.

«Мы прочтем „Фауста“ вместе... на итальянских озерах...», – подумал он, и его воображение нарисовало в пастельных тонах сцену из медового месяца, который был уже не за горами; казалось, она вычитана им из какого-нибудь бестселлера. Самое главное, за это время он воспользуется своей мужской привилегией и постарается заслужить уважение своей невесты. Только сегодня Мэй Велланд призналась, что «питает к нему склонность» (именно так в Нью-Йорке девушки дают понять, что благоволят к своим избранникам), и он тут же представил обручальные кольца, традиционный поцелуй во время помолвки, марш из Лоэнгрина, и ее рядом с ним – рука об руку – на фоне сказочной сценки из жизни старушки-Европы.

По крайней мере, он не хотел, чтобы будущее миссис Ньюлэнд Ачер было тривиальным. Он намеревался (благодаря своему просвещенному окружению) развить в ней светскость и готовность вести остроумную беседу, ибо ей надлежало войти в круг самых блестящих замужних женщин молодого поколения, в котором утвердилась привычка привлекать внимание мужчин, шутя обескураживая их. Если б он заглянул в глубину своей души, где притаилось тщеславие (а он иногда почти готов был пойти на это), то понял бы, что более всего желает, чтобы его жена была столь же мудрой и обходительной, сколь и очаровательной. Действие ее чар он испытывал на себе на протяжении этих двух последних лет, полных приятного волнения. Нет, разумеется, он не стал бы торопить естественный ход событий.

Любая фривольность была недопустима, ибо он и без того уже запустил дела, предаваясь мечтам на протяжении всей этой зимы.

Ему никогда не хватало времени до конца осмыслить весь парадокс существования в прагматичном мире большого города этого чудесного создания, словно состоявшего из льда и пламени. Он предпочел оставить всякие попытки подвергнуть анализу этот удивительный факт, поскольку знал, что это явление уникальное и никак не вписывается в ряд прилизанных джентльменов в белых жилетках и с цветами в петлицах, сменявших друг друга в клубных ложах, обменивавшихся с ним дружескими приветствиями и направлявших театральные бинокли на светских дам, которые тоже являлись своеобразным продуктом эпохи. На самом деле интеллектуальный и артистичный Ньюлэнд Ачер ощущал себя на голову выше всех этих «избранных аристократов» старого Нью-Йорка. Вероятно, он и читал больше, и больше размышлял, и больше странствовал по свету, чем любой из них. Они попросту варились в собственном соку, но когда собирались вместе, то представляли собой старый Нью-Йорк, и из чувства мужской солидарности он принял их доктрину касательно общепринятой морали. Инстинктивно он чувствовал, что ему самому нелегко будет – да, да, весьма нелегко! – удержаться на плаву.

«Однако!» – воскликнул Лоренс Лефертс, внезапно отводя свой театральный бинокль от сцены. Лоренс Лефертс, в общем и целом, считался главным знатоком этикета во всем Нью-Йорке. По всей вероятности он посвятил гораздо больше времени изучению этого сложного и увлекательного предмета, чем кто-либо. Но самообразование, разумеется, не являлось единственной причиной его полной компетентности в этом вопросе и той легкости, с какой он вращался в свете.

Стоило лишь оглядеть его с головы до ног, бросить взгляд на его открытый покатым лоб и прекрасные, закрученные вверх светлые усы, а потом посмотреть на большие кожаные ботинки на ногах этого рослого, элегантного джентльмена, и сомнений не оставалось, что у того, кто столь небрежно носит такой дорогой смокинг и предстает перед публикой с такой непринужденной грацией, – знание этикета в крови.

Как сказал один юный поклонник его талантов:

«Уж если кто и может дать дельный совет, когда надевать черный галстук на вечер, а когда – нет, так это Ларри Лефертс».

Что касается пары кожаных ботинок «Оксфордов», то здесь он опять-таки был вне конкуренции.

«Боже мой!» – сказал он и вдруг передал бинокль пожилому Силлертону Джексону.

Ньюлэнд Ачер, проследив за взглядом Лефертса, сделал вывод, что причиной возгласов последнего послужило появление в ложе старой миссис Мингот новой фигуры. Это была стройная молодая женщина, менее высокая, чем Мэй Велланд, с каштановыми волосами, которые вились кольцами и ниспадали ей на виски плотными завитками. Ее прическа была увенчана бриллиантовой диадемой; этому стилю «а'ля Жозефина», который вошел в моду несколько позже, соответствовало синее бархатное платье, весьма театрально подвязанное под грудью широким поясом с большой старомодной пряжкой. Носительница столь необычного платья, казалось, и не подозревала о той сенсации, которую оно произвело. Некоторое время она стояла в центре ложи, вполголоса осведомляясь у миссис Велланд, насколько будет уместно, если она сядет в правом пустовавшем углу на переднем ряду. Затем она с легкой усмешкой сдалась и уселась рядом с невесткой миссис Велланд, миссис Ловелл Мингот, которая занимала противоположный угол.

Мистер Силлертон Джексон возвратил театральный бинокль Лоренсу Лефертсу. Все члены клуба машинально повернулись к нему, ожидая, что скажет пожилой джентльмен, ибо он считался признанным авторитетом в геральдических вопросах, тогда как Лоренс Лефертс, как нам уже известно, отличался своими познаниями в области этикета. Мистер Лефертс мог без труда вспомнить то или иное ответвление родового древа любой светской династии Нью-Йорка. Он был способен не только безошибочно определить степень родства между Минготами (через Торли) и Далласами из Южной Каролины, или кем доводятся представители более древнего, Филадельфийского рода Торли Чиверсам из Олбани (которых не следует путать с Мэнсон-Чиверсами из университетского городка!), но также ему не составило бы труда дать полную характеристику любого семейства. К примеру, молодые отпрыски Лефертсов (тех, которые проживают на Лонг-Айленде) знамениты своей непревзойденной язвительностью; а в роду Рашвортов прослеживается роковая тенденция к заключению неудачных браков; а в каждом втором поколении Чиверсов из Олбани наблюдается синдром «разбитых сердец», ибо их кузины из Нью-Йорка всегда отказывались выходить за них замуж – за вычетом бедной Медоры Мэнсон, что – а это общеизвестный печальный факт – привело к... Впрочем, ее матушка принадлежала к семейству Рашвортов, и этим все сказано.

Мистер Силлертон Джексон не только безошибочно ориентировался в этих запутанных «генеалогических дебрях». Под его выпуклым, открытым лбом, обрамленным шапкой мягких седых волос, скрывался объемистый мозг, хранивший память о наиболее скандальных историях и мрачных тайнах из жизни «света» Нью-Йорка, всплывших на поверхность за последние пятьдесят лет.

Он и в самом деле располагал довольно обширной информацией и избирательной памятью, так что кроме него, пожалуй, уже никто не смог бы сказать, кем в действительности был Джулиус Бьюфорт, банкир, и что случилось потом с красивым Бобом Спайсером, отцом старой миссис Мэнсон Мингот, который таинственным образом исчез (с огромной суммой казенных денег) через месяц после своей женитьбы. В тот день очаровательная испанская балерина, которой не раз рукоплескал переполненный зал в старом оперном театре в Баттери, отплывала на Кубу. Но все это мистер Джексон хранил под семью печатями в своей груди; и делал он это не из простой деликатности, не позволявшей ему обнародовать чьи-либо частные тайны, но и будучи абсолютно уверенным в том, что репутация надежного человека поможет ему узнавать то, что ему понадобится. Поэтому, клубная ложа заметно заволновалась, когда мистер Силлертон Джексон возвратил Лоренсу Лефертсу театральный бинокль.

Через мгновение он молча обвел взглядом собрание, сосредоточившее свое внимание на нем. Над его бледно-голубыми глазами нависли тяжелые, покрытые тонкой сетью сосудов веки. Затем он в задумчивости покрутил ус и просто сказал:

«Никогда не думал, что кто-нибудь из Минготов наденет такое».

Глава вторая

Ньюлэнд Ачер во время этого краткого эпизода впал в какое-то странное состояние. Его охватило крайнее смущение.

Раздражало то, что ложа, к которой было приковано всеобщее внимание жителей Нью-Йорка мужеского пола оказалась именно той, в которой сидела его невеста рядом со своей матерью и тетей; на мгновение он даже забыл о существовании незнакомки в платье императрицы, появление которой произвело такой фурор среди избранных. Затем его словно озарило вспышкой света, и его мгновенно захлестнула волна негодования. Да, в самом деле! Никому бы и в голову не пришло, что кто-нибудь из Минготов способен надеть на себя такое платье!

Но, оказывается, такое было возможно, ибо, благодаря комментариям, отпущенным вполголоса слева у него за спиной, Ачер догадался, что молодая дама, – кузина Мэй Велланд, которую всегда называли в семье не иначе как «бедняжка Элен Оленская». Ачер слышал, что она неожиданно вернулась из Европы два дня тому назад. Мисс Велланд рассказала ему без тени осуждения, что провела «бедняжку Элен», которая остановилась у старой миссис Мингот. Ачер полностью одобрял семейную солидарность Минготов. Одно из качеств, которое восхищало его в них, больше всего было то, что они всегда решительным образом вставали на защиту немногочисленных «паршивых овец», затесавшихся в их элитное стадо. Чувства, владевшие в тот момент молодым человеком, нельзя было назвать неблагородными; он был даже рад, что его будущая жена не станет подавлять в себе добрые порывы из-за излишней щепетильности. Взять хотя бы эту ситуацию с ее несчастной кузиной! Но одно дело принимать графиню Оленскую у себя в родовом гнезде, и совсем другое – выставлять ее напоказ в Опере, и тем более в той самой ложе, в которой сидит молодая девушка, о чьей помолвке с ним, Ньюлэндом Ачером, должно быть объявлено через несколько недель. Нет, подумал он точно так же, как и пожилой Силлертон Джексон, надеть такое платье никто из Минготов не рискнул бы!

Он знал, что старая миссис Мэнсон Мингот, глава их рода, могла отважиться на все, на что готов был пойти любой человек (за исключением удовольствий Пятой Авеню, разумеется). Он всегда восхищался высокой и властной пожилой дамой, которая когда-то была всего лишь Кэтрин Спайсер со Стейтен-Айленда, чей отец, попавший в какую-то скандальную историю, не имел ни денег, ни положения в обществе, чтобы все забылось достаточно быстро. Она вышла замуж за главу процветающего рода Минготов, выдала двух своих дочерей за иностранцев (маркиза-итальянца и английского банкира) и в довершение всего построила огромный особняк из светлого, кремового камня, тогда как все дома вокруг были из коричневого песчаника: они словно надели парадные сюртуки к обеду. И особняк этот стоял на отшибе, в скверике рядом с Центральным парком. Дочери-иностранки старой миссис Мингот стали живой легендой. Они ни разу не навестили свою мать, а та, как и многие люди, наделенные острым умом и железной волей, вела малоподвижный образ жизни и из-за своей тучности предпочитала не выходить из дома. Но кремовый особняк, который, вероятнее всего, был построен по образу и подобию частных пансионов парижской аристократии, стоял словно монумент ее несокрушимо мужеству. Она восседала в нем на своем «троне» среди дореволюционной мебели и безделушек из Тюильри времен Луи Наполеона (она блистала там на балах еще будучи дамой бальзаковского возраста); при этом она сохраняла олимпийское спокойствие, как если бы жила вовсе не рядом с Тридцать четвертой улицей, и в ее особняке были вовсе не французские окна, открывавшиеся подобно дверям вовнутрь, а обычные фрамуги.

Все, включая мистера Силлертона Джексона, согласились с тем, что Кэтрин никогда не была красавицей. По мнению жителей Нью-Йорка красота – это именно то достоинство, которое позволяет человеку наслаждаться многочисленными успехами и ради которого ему можно простить целый ряд недостатков.

Злые языки судачили, что, подобно своей тезке-императрице, она прокладывала путь к успеху, собрав волю в кулак и изгнав из сердца всякую жалость; ее высокомерие и напористость отчасти обуславливались тем, что ее мужу абсолютно не в чем было ее упрекнуть: она была сторонницей пуританской морали и вела почти безгрешный образ жизни. Мистер Мэнсон Мингот скончался, когда ей исполнилось всего двадцать восемь лет. В своем завещании он с крайней осторожностью, столь характерной для семейства Спайсеров, распорядился деньгами; но его отважная молодая вдова бесстрашно пошла дальше по жизни одна, легко войдя в иностранную элиту и выдав дочерей замуж за представителей одному богу известно каких состоятельных и знатных семейств; она водила дружбу с князьями и послами, затесалась в ряды папистов, принимала у себя оперных певцов и певиц и считалась близкой подружкой мадам Таглиони; и при всем этом (первым это подчеркнул мистер Силлертон Джексон), ее репутация была совершенно незапятнанной; только в этом отношении, всегда добавлял он, она выгодно отличалась от своей великой предшественницы, Екатерины.

Прошло много времени прежде, чем миссис Мэнсон Мингот удалось завладеть завещанной ей долей имущества ее покойного супруга, и она прожила в достатке добрые полвека; но воспоминания о мытарствах в молодые годы побуждали ее быть чрезмерно экономной. И хотя когда миссис Мэнсон Мингот покупала платье или новую мебель она и заботилась о том, чтобы все это было самое лучшее, она не могла заставить себя тратить на всевозможные лакомства, от которых ломились столы в других лучших домах Нью-Йорка. Несмотря на то, что причина этого крылась совершенно в ином, на ее столе было так же мало изысков, как и на столе миссис Ачер, и вина ее тоже не отличались большим разнообразием. Родственники ее мужа считали, что такой скудный рацион дискредитирует доброе имя Минготов, которое всегда ассоциировалось с красивой жизнью. Но гости продолжали посещать престарелую леди, несмотря на «пустые тарелки» и дрянное шампанское, и в ответ на предложения сына, Ловелла (пытавшегося возродить былую славу своего семейства, наняв лучшего повара во всем Нью-Йорке), она говаривала:

«Какой прок от двух белых колпаков в одной семье, если я поывадала дочек замуж, а соусы мне противопоказаны?»

Ньюлэнд Ачер, размышляя об этом, вновь обратил свой взор на ложу Минготов. Он увидел, что миссис Велланд и ее невестка смотрели на полукруг знатоков, обсуждающих их, с нескрываемым вызовом. Старой Кэтрин Мингот удалось привить апломб всем членам своего семейства. Одна только Мэй Велланд была смущена: он заметил, как она покраснела (возможно, оттого, что почувствовала на себе его взгляд). Она тоже осознавала всю серьезность ситуации. Что же касается виновницы переполоха, то она сидела, как ни в чем не бывало в своем углу, невозмутимо наблюдая за происходившим на сцене. Она как бы невзначай подавалась вперед, и взглядам присутствующих предстали ее плечи и грудь, причем ее декольте было куда более смелое, нежели вырезы на платьях многих нью-йоркских дам, – по крайней мере тех из них, которые хотели остаться незамеченными.

Ньюлэнда Ачера смущало не только то, что эта женщина пренебрегла всеми канонами нью-йоркской моды, о чем свидетельствовал ее вызывающий внешний вид, которому он, Ньюлэнд Ачер, как и все остальные, придавал первостепенное значение. Лицо мадам Оленской было бледным и серьезным, что, по его представлению, вполне соответствовало торжественности момента и объяснялось той личной драмой, которую ей довелось пережить. Но он был шокирован и взволнован тем, что ее платье (совершенно прямое, без складок) так откровенно сползало, оголяя худенькие плечи этой особы на глазах у всего зала. Он с досадой думал, что Мэй Велланд могла попасть под влияние столь легкомысленной женщины, которая, как видно, не отличалась утонченным вкусом.

«В конце концов, – подал голос молодой человек, стоявший позади него (все всегда говорят во время сцены встречи Мефистофеля с Мартой), – что случилось на самом деле?»

«Ну, она сама оставила его... Никто этого не отрицает».

«Говорят, он – настоящее животное», – не унимался молодой человек, простоватый Торли, который, очевидно, готовился пополнить список нью-йоркских донжуанов.

«И того хуже! Я встречал его в Ницце, – со знанием дела заметил Лоренс Лефертс. – Характер у этого типа взрывной, а внешность – довольно привлекательная, и глаза у него с длинными густыми ресницами. О нем я скажу вам следующее. Он питает одинаковую страсть к женщинам и фарфоровым безделушкам. Он коллекционирует и тех и других, и, как я понимаю, готов платить за них любую цену».

Все засмеялись, и начинающий донжуан спросил, сдерживая смех:

«Ну а потом?»

«Ну а потом она сбежала с его секретарем».

«О, понятно!» – лицо юноши вытянулось.

«Впрочем, их связь длилась недолго: ходили слухи, что несколько месяцев она прожила одна в Венеции. Кажется, Ловелл Мингот привез ее оттуда. Он рассказывал, что она была на грани отчаяния. Но это – в порядке вещей, а вот шоу с ее участием здесь, в Опере, – совсем другое дело».

«Возможно, – робко предположил юный Торли, – ее нельзя оставлять дома одну из-за того, что она слишком несчастна!»

Эта реплика была встречена очередным взрывом смеха. Молодой человек густо покраснел и попытался все обратить в шутку.

«Во всяком случае, странно, что они привели с собой и мисс Велланд,» – вступил в разговор один из джентльменов, понизив голос и покосившись на Ачера.

«Так оно и было задумано! Вне всякого сомнения, кампанию разработала сама престарелая миссис Мэнсон Мингот, – Лефертс рассмеялся. – Уж если она за что-нибудь берется, то доводит дело до победного конца».

Действие заканчивалось, и клубная ложа заметно оживилась. Внезапно Ньюлэнд Ачер почувствовал, что готов к решительным действиям. Он захотел первым войти в ложу старой миссис Мэнсон Мингот и немедленно объявить о своей помолвке с Мэй Велланд. Этого известия давно уже ждали в свете. Он хотел оказать ей поддержку, ибо не только ее злополучная кухня, но и ее родственники попали в щекотливое положение. Поддавшись этому порыву, он отбросил все сомнения и, поборов некоторое смущение, направился по красным коридорам в другую часть здания.

Стоило ему войти в ложу, как его глаза встретились с глазами мисс Велланд, и он понял, что ей известно, ради чего он пришел. Несмотря на то, что добродетель в ее семье ценилась превыше всего, чувство собственного достоинства не позволяло ей самой высказываться в подобной ситуации. Люди их круга постоянно находились в утонченной и деликатной атмосфере, и тот факт, что они поняли друг друга без слов, как показалось молодому человеку, сблизило их куда больше, чем любое объяснение.

Ее глаза спросили его: «Теперь ты понимаешь, почему мама взяла меня с собой?»

И его глаза отвечали:

«Ни за что на свете не хотел бы, чтобы ты осталась дома!»

«Вы знакомы с моей племянницей, графиней Оленской?» – начала разговор миссис Велланд, пожимая руку тому, кто готовился стать мужем ее дочери. Ачер поклонился графине, не протягивая ей руки. Так всегда делалось при знакомстве с новой дамой. Элен Оленская в ответ слегка наклонила голову, сцепив пальцы рук в светлых перчатках на основании своего веера из орлиных перьев. Поприветствовав также миссис Ловелл Мингот, полную блондинку в шуршащем атласном платье, он сел рядом со своей невестой и сказал, понизив голос:

«Надеюсь, вы сообщили мадам Оленской о том, что мы с вами собираемся пожениться? Я бы хотел, чтобы об этом узнали все. Позвольте мне объявить о нашей помолвке сегодня же вечером на балу!»

Лицо мисс Велланд стало розовым, как утренняя заря. Она посмотрела на него сияющими глазами и сказала:

«Если вы сможете убедить матушку, что уже настало время, – сказала она. – Но зачем нам торопить события? Мы же заранее назначили дату!»

Он ничего не ответил, но взгляд его был достаточно красноречив. Тогда она, приободрившись, улыбнулась и добавила:

«А кухне моей можете сказать об этом сами: почему бы и нет? Она рассказывала, что вы играли вместе, когда были детьми».

И мисс Велланд подалась назад, пропуская Ачера, который стал несколько демонстративно пробираться на другой ряд, к графине Оленской. Ему хотелось, чтобы весь зал видел, как он это делает.

«Когда-то мы играли вместе, не так ли? – сказала она, поворачиваясь и глядя на него своими серьезными глазами: – Вы были таким несносным мальчишкой, а однажды поцеловали меня за дверь. Но влюблена я была вовсе не в вас, а в вашего кузена, Вэнди Ньюлэнда, который не обращал на меня, ни малейшего внимания».

Ее взгляд скользнул по ломам белья, расположенным в форме подковы.

«Помню, я когда-то видела многих из присутствующих в бриджах и панталонах», – сказала она с легким иностранным акцентом и снова перевела взгляд на его лицо.

Молодого человека шокировало то, что он прочел в этих глазах: в тот самый момент, когда как раз «слушалось ее дело» на этом августовском трибунале, она воспринимала его самым неподходящим образом.

Проявление легкомыслия в данном случае свидетельствовало не иначе как о дурном нраве. И он ответил сухо:

«Да, вас долго здесь не было».

«Мне кажется, с тех пор прошли века! – отозвалась она. – Последний раз я была здесь так давно, что сама чувствую себя умершей и погребенной под обломками прошлого. А здесь, в этом добром старом мире, мне так же спокойно, как под крышкой гроба».

По причинам, которые ему самому не были ясны, Ньюлэнд Ачер воспринял эти слова чуть ли, не как прямое оскорбление нью-йоркскому обществу.

Глава третья

Что должно было случиться, то случилось.

Миссис Джулиус Бьюфорт в тот вечер давала бал. Она устраивала балы один раз в год, причем традиционно именно в тот день, когда все общество собиралось в Опере. И сама она не пропускала этого красочного зрелища, демонстративно оставаясь там до конца, чтобы предоставить возможность званым гостям оценить вышколенность ее слуг, способных в отсутствие хозяйки организовать прием на высшем уровне.

Дом Бьюфорт был одним из немногочисленных домов в Нью-Йорке с танцевальным залом. В этом отношении он превзошел даже особняки миссис Мэнсон Мингот и Хэди Чиверс. К этому времени он, однако, порядком обветшал. Многие даже стали называть его «провинциальным»: пол в некоторых комнатах затянули простым холстом, а всю мебель из них перетаскивали на верхний этаж; танцевальный зал не использовался ни для каких иных целей, но только для устройства балов, и потому пустовал все триста шестьдесят четыре дня в году; шторы на окнах были приспущены, и в зале всегда царил полумрак; старинные стулья с позолотой на высоких спинках сдвигались в дальний угол, а люстру покрывали чехлом. Но все же, наличие в доме зала считалось огромным преимуществом и компенсировало все то, что было достойно сожаления в таинственном прошлом семейства Бьюфорт.

Миссис Ачер, обожавшая представлять свои философские взгляды касательно современного общества в виде аксиом, однажды заявила:

«Мы все питаем слабость к простым людям».

И хотя фраза эта показалась чересчур дерзкой, она прочно укоренилась в сердцах многих влиятельных особ. Но Бьюфорт едва ли можно было назвать простыми людьми. Впрочем, кое-кто считал, что они «еще хуже». Миссис Бьюфорт принадлежала к одному из наиболее почитаемых в Америке семейств. Она, урожденная Реджина Даллас, писаная красавица из Южной Каролины, некогда прибыла в Нью-Йорк без цента за душой и была представлена обществу своей кузиной, бесшабашной Медорой Мэнсон, которая всегда поступала опрометчиво, преследуя при этом самые благие цели. Все выходцы из благородного рода Мэнсонов и Рашвортов имели (как говаривал мистер Силлертон Джэксон, неоднократно посещавший Тюильри) «право голоса» в нью-йоркском обществе. Но, по мнению многих, девица, выйдя замуж за Джулиуса Бьюфорта, потом долго расплачивалась за собственную глупость.

Весь вопрос заключался в том, кем был этот Бьюфорт на самом деле. Выдавал он себя за англичанина и был обходительным, красивым, гостеприимным и остроумным человеком. Но вот характер у него оставлял желать лучшего. Он прибыл в Америку с рекомендательным письмом от зятя старой миссис Мэнсон Мингот, английского банкира, и очень быстро стяжал себе сомнительную славу опасного донжуана. Он вел довольно беспутный образ жизни, и порой не стеснялся в выражениях. Прошрое его было покрыто сплошной тайной, и когда бедная Медора Мэнсон объявила о его помолвке со своей кузиной, ее чуть было не подняли на смех. Во всяком случае, это было расценено, как очередная глупость в нескончаемом списке опрометчивых поступков Медоры Мэнсон.

Но то, что в свете называли глупостью, дети Медоры, вставшие на ее защиту, наоборот, считали верхом мудрости. Так или иначе, через два года после свадьбы, миссис Бьюфорт стала хозяйкой одного из наиболее престижных домов в Нью-Йорке. Никто толком не знал, каким чудом это произошло. Она была ленива, пассивна, а злые языки называли ее «большой занудой». Но одевалась она всегда, как примадонна, и любила завешивать себя жемчугами, с каждым годом становясь все моложе и красивее. При этом ее светлые волосы (она была блондинкой) тоже светлели год от года. Она царствовала во дворце из тяжелого коричневого камня, построенного мистером Бьюфортом, и заправляла хозяйством, палец о палец при этом не уда-

рив (не зря она предпочитала носить на своих маленьких пальчиках дорогие кольца и перстни). Посвященные в семейные дела Бьюфтортов рассказывали, что сам хозяин вышколил слуг и показал повару, как готовить новые блюда. Говорили также, что он указывал садовнику, какие цветы выращивать в оранжерее для украшения обеденного стола и гостиной, составлял списки гостей, готовил послеобеденный пунш и диктовал своей супруге письма, которые та рассылала своим знакомым. Он особенно не распространялся в свете о своих обязанностях по дому, желая прослыть беззаботным и радушным хозяином-миллионером, и, когда принимал гостей у себя на половине, всячески старался привлечь их внимание к аранжировке цветов, говоря при этом: «Не правда ли, глоксинии моей жены превосходны? Вероятно, ей поставляют их из Кью». Секрет успеха мистера Бьюфорта, как считали в обществе, заключался в умении на все смотреть «сквозь пальцы». Ходили слухи, что ему помог покинуть Англию один крупный междunarодный банк, в котором он в свое время служил. И он совершенно невозмутимо воспринимал эти слухи, равно как и остальные; и несмотря на то, что к профессиональной репутации в Нью-Йорке относятся не менее щепетильно, чем к вопросам нравственности, он нисколько не стеснялся этих слухов. Может, поэтому весь Нью-Йорк перебивал у него в доме, и за последние двадцать лет у людей их круга вошло в привычку говорить: «Пойдем к Бьюфортам», – в таком тоне, который не оставлял ни малейших сомнений в том, что они собрались в один из «лучших домов», каким, скажем, являлся дом миссис Мэнсон Мингот. Кроме того, они заранее знали, что там их угостят фаршированной уткой и дорогими виноградными винами, а не тепловатым «Вдова Клико» годичной выдержки и разогретыми крокетами из Филадельфии.

Миссис Бьюфорт имела обыкновение появляться в своей ложе непосредственно перед арией со шкатулкой; и затем, она всегда поднималась с места в конце третьего акта, набрасывала на свои красивые плечи театральный плащ и исчезала. Это воспринималось светскими львами Нью-Йорка как сигнал: через полчаса начнется бал.

Дом Бьюфтортов жители Нью-Йорка с гордостью показывали иностранцам, в особенности, в тот вечер, когда гости съезжались на бал. Бьюфорты одними из первых в Нью-Йорке обзавелись красным бархатным ковром. Их лакей всякий раз аккуратно скатывал его и уносил под лестницу, где он и хранился до следующего приема. Таким образом, у них были и ковер, и стулья в достаточном количестве, чтобы приглашать много гостей и не «занимать» ничего у знакомых. Бьюфорты ввели новый обычай: отныне их гости оставляли свои плащи прямо в холле, а не ускользали вместе с ними на половину хозяйки, откуда их потом невозможно было вытащить (они немедленно принимались завивать непокорные локоны на газовом рожке).

С Бьюфортom не могли не согласиться, ибо у всех подруг его супруги дома имелись служанки, ревностно следившие за тем, чтобы их чепчики сидели ровно на голове, когда дамы выезжают в свет.

Планировка этого дома (с танцевальным залом!) и в самом деле напоминала дворцовую. В зал вел не узкий коридор (как у Чиверсов), через который приглашенные вынуждены были пробиваться не иначе как работая локтями, но целая анфилада из просторных гостиных. Одна из них была цвета морской волны, другая – малиновая, а третья – в ярко-желтых тонах. И гости степенно вышагивали по этой анфиладе. Их взору открывалось зрелище, способное удовлетворить любой эстетический вкус: натертый до блеска паркетный пол отражал множество канделябров с зажженными свечами, а за танцевальным залом виднелась оранжерея; в ней камелии и древовидные папоротники покрывали сверху ажурные арки, создавая густую сень, под которой прятались скамейки из черного и золотистого бамбука.

Ньюлэнд Ачер, как и подобало молодому аристократу, прибыл на бал с некоторым опозданием. Плащ у него принял лакей в белых шелковых чулках (чулки были одной из слабостей хозяина), после чего Ачер некоторое время провел в библиотеке, – просторной комнате со стенами, обитыми испанской кожей, и мебелью в стиле «буль», инкрустированной бронзовыми и малахитовыми пластинками. В библиотеке несколько мужчин вели оживленную беседу, натя-

гивая белые бальные перчатки. Вскоре и они влились в ряды гостей, которых миссис Бьюфорт встречала, стоя у порога малиновой гостиной.

Ачер заметно волновался. Он не поехал в клуб сразу после Оперы, как это обычно делали все молодые аристократы. Ночь выдалась ясной, и он прогулялся по Пятой Авеню перед тем, как направиться в сторону дома Бьюфорт. Он боялся, что Минготы приедут слишком поздно. Это могло означать только одно: старая миссис Мэнсон Мингот распорядилась, чтобы на бал пригласили и графиню Оленскую.

Из разговоров, которые велись в клубной ложе, он понял, что Элен Оленская совершила серьезный проступок. И хотя теперь ему как никогда хотелось посмотреть на это сквозь пальцы, его рыцарский пыл несколько поугас, после их короткого разговора в Опере. Он уже с меньшим энтузиазмом готовился встать на защиту кузины своей невесты.

Миновав ярко-желтую гостиную, где Бьюфорт вывесил картину Богоро «Триумф любви», с обнаженной натурой (вокруг этой картины ходили разные толки), Ачер увидел миссис Велланд с дочерью, стоявших у входа в танцевальный зал. Пары плавно скользили по блестящему полу; пламя восковых свечей освещало развевающиеся кружевные юбки, девичьи головки, украшенные скромными бутоньерками, молодых замужних дам, с перьями и драгоценностями, и крахмальные воротнички, манишки и белые перчатки мужчин.

Мисс Велланд уже готова была войти в танцевальный зал вместе с другими гостями, но задержалась у дверей. В руке она по-прежнему держала букет майских ландышей. Никаких бутоньерок из других цветов на ней не было. Личико ее показалось Ачеру несколько бледным, но глаза ее светились нескрываемым восторгом. Вокруг нее плотным кольцом теснились подружки и их кавалеры. Девушки то и дело всплескивали руками, смеялись и шутили. Сияющая мисс Велланд, стоявшая в центре, принимала одобрительные улыбки и поздравления. Было очевидно, что мисс Велланд в тот вечер привлекала к себе всеобщее внимание: как-никак ее помолвка состоялась! А ее мать тем временем стояла в стороне и переживала, как и все родители во время помолвок своих чад.

Ачер на мгновение остановился. Ведь это по его инициативе решили объявить о помолвке раньше намеченного срока. Нет, он вовсе не собирался выставлять свои чувства напоказ. Он не желал хвастать своим счастьем. Но зачем же, тогда объявлять о таком личном деле, о своей сердечной склонности среди шумного бала? Ачер был уверен, что его радость настолько безгранична, что ее не омрачит чужое вмешательство, и ее источник никто не в силах будет осквернить. Впрочем, он не хотел даже думать о том, что кто-то может замутировать его чистые воды. И он с удовлетворением отметил про себя, что Мэй Велланд думает о том же. Ее глаза встретились с его глазами, и он прочел в них:

«Не забывай, что мы делаем это лишь потому, что так надо».

Этот взгляд быстрее всяких слов нашел отклик в душе Ньюлэнда Ачера. Быть может, ему и хотелось, чтобы делали они это в силу более возвышенной причины, а не ради того, чтобы поддержать «бедняжку Элен Оленскую». Люди, окружавшие мисс Велланд, расступились с многозначительными улыбками и, получив причитававшиеся ему поздравления, он увлек свою невесту в центр зала и обнял ее за талию.

«Как славно, что хоть теперь можно помолчать», – сказал он с улыбкой, глядя в ее сияющие глаза, пока они вальсировали. Они медленно плыли по волнам «Голубого Дуная». Мэй не ответила. Губы девушки слегка дрожали. Она попыталась улыбнуться, но взгляд ее был отрешенным и серьезным, как если бы она в тот момент думала о чем-то своем.

«Дорогая!» – прошептал Ачер, слегка прижимая ее к себе. Он всегда думал, что первые часы после их помолвки будут особенно торжественными и незабываемыми. А потом начнется новая жизнь, – чистая, светлая и добрая!

Музыка смолкла, и счастливая пара ускользнула в оранжерею. Они уселись под зеленым пологом из древовидных папоротников и камелий, и Ньюлэнд поднес к губам ее руку, обтянутую перчаткой.

«Я сделала так, как вы просили», – сказала она.

«Да, я не мог больше ждать, – ответил он, улыбаясь, и через секунду добавил: – Жаль только, что это произошло здесь, на балу».

«Да, я согласна, – она с пониманием взглянула на него и потом заметила: – Но, так или иначе, мы даже здесь смогли найти укромный уголок, не правда ли? И сейчас мы с вами одни...»

«О, дорогая, любимая навек!» – воскликнул Ачер.

Вероятно, она создана для того, чтобы понимать его с полуслова. Это открытие переполнило его душу блаженством, и он сказал весело:

«Самое ужасное то, что мне хочется поцеловать вас, но я не могу себе этого позволить. А впрочем...»

С этими словами он быстро обвел взглядом оранжерею и, удостоверившись в том, что они совершенно одни, привлек ее к себе и легко коснулся губами ее губ. Чтобы сгладить некоторую неловкость, он повел ее дальше, в дальний уголок оранжереи, и они присели на бамбуковую скамейку.

Он осторожно вынул один из ландышей из ее букета. Она молчала в глубокой задумчивости, и весь мир лежал у их ног, как залитая солнцем долина.

«А моей кузине Элен вы сообщили о нашей помолвке?» – спросила Мэй, и ее голос словно донесся откуда-то издалека.

Его вдруг поразила мысль о том, что он забыл это сделать. Или, быть может, внутренняя неприязнь, которую он невольно испытывал к этой странной женщине, заставила его позабыть о своем обещании.

«Нет, у меня просто не было возможности», – поспешно сказал он, слегка солгав.

«О! – протянула она разочарованно и, продолжая мягко настаивать на своем, сказала: – Но вы непременно должны это сделать, поскольку я ей тоже пока не говорила о нас. А мне не хотелось бы, чтобы она подумала».

«Нет, это исключено. Но, может быть, вам лучше самой сказать ей о нашей помолвке?»

Она немного помолчала, а потом ответила, взвешивая каждое слово:

«Если бы только я сразу поставила ее в известность... Но я упустила время, и теперь лучше всего вам так прямо и сказать ей, что я просила вас сообщить об этом еще в Опере, до того, как ехать на бал, чтобы объявить во всеуслышание... Иначе она чего доброго решит, что я так поступила намеренно. Она ведь член нашей семьи и столько времени провела вдали от нас, за границей, что сейчас чувствует себя здесь белой вороной».

Ачер с восторгом взглянул на свою невесту.

«Мой прекрасный ангел! – воскликнул он. – Конечно, я скажу ей!»

Он с некоторым принуждением поискал взглядом знакомую фигуру. Но ее не было среди танцующих.

«Я что-то не вижу ее, – сказал он, наконец. – Она на балу?»

«Нет. В последний момент Элен передумала и решила не ехать».

«В последний момент?» – переспросил он, удивленный тем, что его невеста так спокойно говорит о том, что у ее кузины, оказывается, еще и был выбор.

«Да, да! Она обожает танцевать, – поспешно сказала Мэй. – Но Элен вдруг изменила свое решение, сославшись на то, что ее платье недостаточно подходит для бала, хотя мы все думаем, что оно превосходно. Так что тетя увезла ее домой».

«А, понятно!» – протянул Ачер со вздохом облегчения. Ничто в его невесте не радовало его так, как ее упорное желание противостоять щекотливой ситуации, в которую их вовлекли.

«Она, так же как и я, прекрасно знает истинную причину, из-за которой ее кузина отказалась ехать на бал, – подумал он. – Но я, ни словом, ни жестом не дам ей понять, что мне известно, как Элен Оленская запятнала свою репутацию.»

Глава четвертая

На следующий день члены семей, собиравшихся породниться, наносили друг другу визиты, согласно давнишней нью-йоркской традиции, которая оставалась неизменной на протяжении многих лет. В точности следуя ей, Ньюлэнд Ачер вместе со своей матерью и сестрой первыми отправились навестить невесту и ее родных. Их приняла миссис Велланд и почти сразу же повезла Ньюлэнда и Мэй к миссис Мэнсон Мингот, с тем, чтобы досточтимая пожилая леди, глава семейства Минготов, благословила молодых.

Посещение особняка старой миссис Мэнсон Мингот всегда было особым событием в жизни Ньюлэнда Ачера. Само по себе здание уже вошло в историю городской архитектуры, несмотря на то, что на Университи-плейс и в конце Пятой Авеню стояли дома и других представителей не менее древних родов. Они были построены еще до 1830 года, и их внутренние интерьеры непременно включали в себя ковры с причудливым узором из цветочных гирлянд, ширмы со створками из розового дерева, аркообразные каминные из черного мрамора и длинные ряды застекленных книжных полок, изготовленных на заказ краснодеревщиками. Что касается старой миссис Мингот, строившей свой особняк значительно позднее, то нельзя сказать, чтобы она отдавала предпочтение массивной мебели, загромождавшей дом в годы ее юности: в ее комнатах наблюдалась некая эклектика интерьеров. Здесь можно было видеть и часть мебели, доставшейся ей по наследству от Мингота, и множество безделушек времен Второй Империи.

Она любила часами просиживать у окна на первом этаже, спокойно наблюдая за размеренным течением жизни, обходявшей стороной ее уединенную обитель. Из окна она видела модных дам и кавалеров, спешивших пройти мимо и направлявшихся в северные районы города.

Но она не торопилась впустить их в свою жизнь: ей были свойственны в равной мере и самонадеянность, и терпение. Она полагала, что все это – суэта сует, и со временем неизбежно утвердятся ее идеалы. Взять хотя бы современные землевладения. Что эстетичного в этих одноэтажных домишках, деревянных постройках и оранжереях, обнесенных невысоким забором, из-за которого нет-нет да и выскочат козы?.. Рано или поздно на смену этим жалким постройкам придут такие же величественные особняки, как и ее собственный, а может быть (в конце концов, объективные суждения не были ей чужды!) еще более грандиозные. И тогда старые omnibuses перестанут грохотать по булыжной мостовой и будут ездить по гладкому асфальту (говорят, им теперь заливают дороги в Париже).

И поскольку люди, которые были ей не безынтересны, часто навевались к ней, и ее комнаты заполнялись гостями, посещавшими старую миссис Мингот не менее охотно, чем Бьюфорт, – почтенная леди не страдала от своей «географической изоляции». Народ валом валил к ней на званые вечера, хотя меню ее отнюдь не состояло из одних деликатесов.

Когда миссис Мингот уже была дамой в возрасте, она вдруг начала стремительно набирать в весе. Как обреченный город оказывается под потоками лавы, так и феноменальная полнота миссис Мингот заточила ее в стенах собственного дома, превратив из миловидной толстушки, ратовавшей за активный образ жизни, в затворницу.

К подобной метаморфозе собственной фигуры она отнеслась философски. Кэтрин Мингот всегда спокойно воспринимала удары судьбы; и вот, в пожилом возрасте, она была вознаграждена за это тем, что, глядя в зеркало, с удовлетворением отмечала, что на ее лице – «кровь с молоком» – почти совсем отсутствуют старческие морщины. Впрочем, его контуры были весьма расплывчатыми, так что их не сразу удавалось выхватить взглядом.

Мягкие линии двойного подбородка плавно переходили в очертания необъятной груди, еще не утратившей своего лилейного цвета. Тонкие белоснежные кружева были сколоты над вырезом брошью с миниатюрным изображением мистера Мингота уже в преклонном возрасте.

Все просторное кресло, в котором она сидела, было заполнено складками черного шелкового платья; две крохотные ручки белели на их поверхности, как чайки на волнах.

Немало времени прошло с тех пор, как чудовищная полнота миссис Мэнсон Мингот перестала позволять ей подниматься и спускаться по лестнице, так что она, с присущей ей независимостью, нарушила давнишний неписанный закон всех салонов Нью-Йорка (тем самым вызвав явное неудовольствие со стороны их хозяев) и перенесла гостиную наверх, обосновавшись на первом этаже. Таким образом, сидя вместе с ней в холле у окна, вы невольно (через дверь в будуар, которая никогда не закрывалась, и шелковую желтую портьеру) могли разглядеть огромную, но невысокую кровать, обитую мягким материалом, туалетный столик с кружевными салфетками и зеркало в позолоченной раме.

Ее гости обычно бывали потрясены и даже шокированы явным преобладанием всего иностранного в обстановке. Должно быть, при создании интерьеров, миссис Мэнсон Мингот руководствовалась описаниями, почерпнутыми из французских романов (некоторые из ее нововведений могли показаться чересчур смелыми простому американцу, никогда бы не отважившемуся на такое). На ум немедленно приходили француженки с их распушенностью нравов и целой армией любовников, – так сказать, продукты развращенного общества. Где это видано, чтобы и мужчины и женщины проживали на одном этаже? Откуда тут взяться благонаравии? И этот век распушенности воспевается в модных романах!

Воображение Ньюленда Ачера не раз рисовало пасторали с картин месье Декамора, развешенных в спальне миссис Мингот. Его умиляло, что пожилая дама, прошедшая столь славный жизненный путь, доживала последние годы, почти полностью отказавшись от мирской суеты. Но он допускал мысль, опять-таки давая волю своему воображению, что если бы на ее горизонте появился мужчина, достойный ее, эта решительная женщина непременно завела бы с ним роман.

Все вздохнули с облегчением, когда выяснилось, что графиня Оленская не почтит своим присутствием двоюродную тетушку во время визита молодой пары. Миссис Мингот сказала, что Элен отправилась на прогулку.

Возможно, это был не слишком дипломатичный ход со стороны этой особы, уже успевшей себя скомпрометировать в обществе. Она словно бросала им новый вызов: мол, нечего наносить визиты, когда самое время пройтись по магазинам! С другой стороны, в ее обществе молодая пара чувствовала бы себя более скованно. И еще одно. Интуиция подсказывала Ньюленду Ачеру, что бесславное прошлое этой женщины может каким-то образом омрачить их счастливую супружескую жизнь с Мэй Велланд, их светлое будущее...

Как и надеялись, визит прошел успешно. Старая миссис Мингот обрадовалась, узнав об их помолвке; прозорливые родственники, во время встреч на семейных советах, давно наметали на возможность такого поворота событий.

Миссис Мингот не смогла скрыть искреннего восхищения, когда держала в своих крохотных ручках кольцо с крупным сапфиром, подаренное Мэй Ачером.

«Это – современная ювелирная работа. Конечно, она превосходна, и камень с красивой огранкой, но любителям старины может показаться несколько... э... простой», – пояснила миссис Велланд, искоса посматривая на своего будущего зятя.

«Любителям старины? Уж не меня ли ты имеешь в виду, дорогая? – воскликнула почтенная леди, приближая кольцо к своим ясным глазам; очков она никогда не носила. – Напротив, я большая поклонница всего нового. Очень красиво! – добавила она, возвращая кольцо. – А что за чудо эти мелкие бриллианты! В дни моей молодости вместо них использовались обыкновенные жемчужины! Но кольцо нужно изготавливать так, чтобы оно пришлось впору. Вы согласны со мной, любезный мистер Ачер? – и она взмахнула своей маленькой, заплывшей жиром ручкой с коротко обрезанными ногтями. При этом жировые складки пришли в движение и напомнили Ачеру браслеты из слоновой кости. – Мое кольцо, – продолжала пожилая

леди, – было изготовлено в Риме великим Ферриджиани. И вам надо бы заказать такое для Мэй: не сомневаюсь, работа вас не разочарует, мой мальчик! Ее рука больше моей: это все из-за современных упражнений, от которых только увеличиваются суставы. Но кожа у нее белая, – чистый атлас!.. Так когда брачная церемония?» – внезапно спросила она, пристально глядя в лицо Ачера.

«Ну...» – нерешительно начала миссис Велланд, но Ньюлэнд Ачер поспешил ответить за нее:

«Мы не станем откладывать ее в долгий ящик, – бодро сказал он. – Если, конечно, вы ничего не имеете против моей кандидатуры, миссис Мингот!»

«Нужно время, чтобы они смогли узнать друг друга получше, тетушка», – снова вступила в разговор миссис Велланд, стараясь не дать чувствам одержать над собой верх. Но старая Кэтрин Мингот возразила:

«Узнать друг друга? Все в Нью-Йорке давным-давно знакомы! Пусть его поступает, как подсказывает ему сердце! Дорогая моя, не стоит ждать, пока шампанское выдохнется! Пускай поженятся до начала Великого Поста! Со дня на день я могу подцепить пневмонию, и кто же тогда будет устраивать прием в честь молодых, я вас спрашиваю?»

Эти доводы были встречены одобрительно, хотя кое-кто и усомнился в их неоспоримости.

Тут гости почувствовали, что пора и честь знать и начали тепло прощаться с хозяйкой. И как раз в этот момент двери распахнулись, и в холл вошла графиня Оленская в шапочке и меховой накидке, в сопровождении Джулиуса Бьюфорта.

Дамы оживленно зашептались, а миссис Мингот вручила банкиру кольцо работы Ферриджиани.

«О, Бьюфорт! Чем обязана столь высокой честью?» (У нее была эта странная европейская манера обращаться к мужчинам по фамилии.)

«Благодарю вас! Жаль, что мне не удастся бывать у вас чаще, – ответил вошедший, как всегда, стремясь подчеркнуть свое несомненное превосходство над окружающими. – Я буквально погряз в делах житейских! Но спасибо графине: она заставила меня ненадолго позабыть о них! Мы встретились на площади Мэдисона, и она милостиво позволила проводить себя до дома».

«Ну, надеюсь, нам теперь вдвоем с Элен будет веселее! – воскликнула миссис Мингот. – Садитесь, садитесь, дорогой Бьюфорт! Вон туда, в желтое кресло. Раз уж мне удалось заполучить вас к себе, давайте поболтаем! Наслышана, что ваш бал наделал много шума. Насколько мне известно, среди приглашенных была миссис Лемюэль Страферс? Я и сама не прочь познакомиться с этой дамой!»

Старая Кэтрин Мингот уже не обращала никакого внимания на своих родственников, которые прохаживались по холлу вместе с Элен Оленской. Почтенная леди не скрывала своей симпатии к Джулиусу Бьюфорту. Вероятно, в нем она видела родственную душу: они оба были высокомерны, обладали холодным и расчетливым умом и зачастую действовали наперекор традициям.

И теперь Кэтрин Мингот не терпелось узнать, что побудило Бьюфорта пригласить (они сделали это впервые!) миссис Лемюэль Страферс, вдову владельца обувного магазина, которая в прошлом году, после длительного пребывания в Европе, возвратилась в Нью-Йорк и вновь стала появляться в свете.

«Конечно, если вы с Реджиной начнете принимать ее, она без труда займет надлежащее положение в свете. Ну что ж, нам нужны новые имена и деньги, – кстати, я слышала, что она все еще очень хороша собой!» – молвила пожилая леди, лукаво поглядывая на Джулиуса.

Пока миссис Велланд и Мэй кутались в меха, Ачер наблюдал за графиней Оленской. Она повернулась к нему и улыбнулась одними глазами. В ее взгляде был немой вопрос.

«Конечно, вы уже знаете о нас с Мэй, – начал он, отвечая на ее взгляд легким смешком, стараясь преодолеть неловкость ситуации. – Она пожурила меня за то, что я не сообщил вам о нашей помолвке еще вчера, в Опере: ей очень хотелось, чтобы я это сделал сам, но в той толпе я как-то не смог».

Теперь она уже по-настоящему улыбнулась ему и от этого вдруг стала похожа на прежнюю Элен Мингот, с которой они когда-то играли в детстве.

«Разумеется, я уже все знаю! И я так рада за вас обоих! Но, конечно, говорить о подобных вещах в толпе не следовало».

Миссис Велланд и Мэй уже были готовы, и Элен помахала им рукой.

«До свидания, – сказала она, все еще не спуская глаз с Ачера. – Навестите меня как-нибудь!»

Проезжая в коляске по Пятой Авеню, все оживленно обсуждали встречу с миссис Мингот. Они отметили, что несмотря на свои преклонные годы Кэтрин Мингот сохраняет крепость духа. Она всегда была замечательной женщиной, – такую и осталась. Об Элен Оленской даже не упоминали, но Ачер знал, о чем миссис Велланд думала в тот момент. А думала она следующее:

«Зря Элен разгуливает по Пятой Авеню в час, когда особенно много народу, и ее без труда могут узнать. Не успела приехать, а уже ищет приключений на свою голову! Да еще Джулиус Бьюфорт за нею увязался...»

Молодой человек добавил от себя:

«Как будто она не знает, что человеку, чья помолвка только что состоялась, нечего делать в обществе замужней женщины. Но, конечно, она столько времени жила в обществе, в котором замужние дамы только и делают, что расставляют свои ловчие сети наивным простачкам!»

И хотя Ньюлэнд Ачер всегда считал себя космополитом и гордился своими широкими взглядами, но в тот момент он возблагодарил небо за то, что родился и вырос в Нью-Йорке, а не в каком-либо другом городе.

Глава пятая

На следующий день мистер Силлертон Джексон обедал у Ачеров.

Миссис Ачер по своей природе была дамой стеснительной и поэтому старалась как можно реже выезжать в свет. Но ей непременно хотелось знать обо всем, происходящем в обществе. Ее старый приятель, мистер Силлертон Джексон, коллекционировал «случаи», происходившие с его друзьями и знакомыми, используя самый, что ни на есть «научный подход» и проявляя при этом завидное терпение. Что касается его сестры, мисс Софи Джексон, жившей в его доме, то она, как сорока на хвосте, приносила свежие сплетни, которыми никто не решился бы обменяться в присутствии «всезнающего» Силлертона. Таким образом, он мог воссоздавать довольно полную картину всего происходившего в свете.

Именно поэтому, когда случалось нечто, о чем миссис Ачер хотелось узнать поподробнее, она приглашала мистера Джексона отобедать. И поскольку она обычно собирала на званые обеды узкий круг знакомых (а бывало, что и вовсе никого не приглашала, кроме него!), мистер Джексон охотно приезжал сам, вместо того, чтобы прислать свою сестру. Ему нравилось, с каким вниманием его слушают миссис Ачер и ее дочь Дженни. Если бы он мог диктовать свои условия, то непременно выбрал бы тот день, когда Ньюлэнда Ачера не было дома. Не потому, что молодой человек не внушал ему особой симпатии (они прекрасно ладили в клубе). Дело в том, что старый сплетник любил немного приукрасить свой рассказ, и тогда как Ньюлэнд позволял себе скептически относиться к некоторым «пикантным подробностям», дамы неизменно слушали мистера Джексона с живым интересом.

Пожалуй, Силлертон Джексон не отказался бы, если б миссис Ачер предлагала гостям более разнообразное меню. Но, как известно, нет в мире совершенства!

Впрочем, Нью-Йорк, насколько его помнит любой из старожилов, всегда делился на два лагеря. Минготы, Мэнсоны и представители их клана любили устраивать себе «праздники желудка», красиво одеваться и всегда быть при деньгах; что касается семейства Ньюлэнда Ачера Ван-дер-Лайден, то оно предпочитало путешествовать, заниматься садоводством, читать бестселлеры и не делать культа из еды или одежды.

В конце концов, нельзя объять необъятное! Допустим, у Ловелла Мингота на обед вам подадут жаркое, черепеховый суп и виноградные вина; зато у Аделины Ачер вас будут угощать рассказами об альпийских красотах, напичкают цитатами из «Мраморного фавна» и на десерт подадут какую-нибудь свежую новость («Вы знаете о том, что яхта „Мадейра Ачер“ благополучно обогнула мыс?»).

А посему, когда приглашения на званый обед приносили от миссис Ачер, мистер Джексон, который к тому же был большим дипломатом, обычно говорил сестре:

«Что-то я перегрузил желудок во время того застолья у Ловелла Мингота! Думаю, диета Аделины, — это как раз то, что мне сейчас нужно!»

Давно овдовевшая миссис Ачер проживала со своим сыном и дочерью в западной части города, на Двадцать восьмой улице. Верхний этаж дома был полностью предоставлен в распоряжение Ньюлэнда, а женщины разместились в скромных покоях на нижнем этаже. В полной гармонии вкусов и интересов, мать и дочь выращивали папоротники в архаических вазах, вязали кружева и плели макраме, ткали гобелены, коллекционировали керамику времен американской революции, регулярно подписывались на «Гуд Вордс» и почитывали романы Оуода из-за любви ко всему итальянскому. Они предпочитали те из них, в которых описывалась простая крестьянская жизнь. Им нравились описания пейзажей и сентиментальные пасторали, которыми изобиловали эти романы. Впрочем, куда больше они любили читать романы социально-психологической направленности, — о людях, чьи мотивы и поступки были им близки и понятны. О Диккенсе они говорили, что «он не создал образ ни одного джентльмена», и счи-

тали, что Теккерей чувствовал себя «не в своей тарелке» в этом мире, в отличие от Балвера (хотя последнего уже нельзя было назвать модным автором).

Миссис и мисс Ачер любили природу. Они всегда старались выбраться «на пленер», когда бывали за границей. Что касается объектов архитектуры и картин, то они предоставляли мужчинам и ученым особам, читавшим Расина, ими любоваться.

Миссис Ачер была урожденная Ньюлэнд. Их с дочерью часто принимали за сестер и называли «настоящие леди Ньюлэнд». Обе высокие, немного бледные, с круглыми плечами, они напоминали дам с портретов Рейнольда, которому всегда удавалось подчеркнуть индивидуальность своих моделей. Их лица украшали добрые улыбки (но вот носы были чуть длинноваты).

Физическое сходство обеих дам было бы еще более полным, если бы не склонность к полноте миссис Ачер, чьи черные парчовые платья уже давно плотно облегли ее фигуру. Наряды мисс Ачер из коричневого и фиолетового поплина, напротив, с каждым годом все больше и больше висели на ее по-девичьи угловатой фигуре.

Образ их мышления, насколько было известно Ньюлэнду Ачеру, не всегда совпадал, но поскольку их манеры казались почти идентичными, все считали, что и думают они одинаково. Они привыкли жить вместе и в определенном смысле зависеть друг от друга. Поэтому не удивительно, что они одинаково строили фразы, начиная их со слов: «Мама думает» или «Дженни думает», – когда хотели выразить свое мнение по тому или иному вопросу. Но, в то время, как миссис Ачер обладала практичным умом и в ее жизни воображению отводилась незначительная роль, Дженни в душе была мечтательницей и порой давала волю своим фантазиям, которые иногда выходили за рамки дозволенного.

Мать и дочь обожали друг друга и готовы были пылинки сдуть со своего сына и брата. И Ачер отвечал им нежной привязанностью, позволяя себе закрывать глаза на все, что в их характере не соответствовало некоему идиллическому образу, созданному им самим. Так или иначе, он полагал, что мужчина в собственном доме должен быть почитаем. Впрочем, иногда, с присущим ему чувством юмора, он не прочь был посмеяться над собой и поставить под сомнение свой «домашний авторитет».

В тот день молодой человек прекрасно понимал, что мистер Джексон не возражал бы, если бы он, Ньюлэнд Ачер, пообедал где-нибудь в городе. Но у него были свои причины на то, чтобы остаться.

Разумеется, старый Джексон намеревался завести разговор о графине Оленской, и, конечно, миссис Ачер с Дженни не терпелось услышать его мнение. Все трое будут слегка смущены его присутствием: как-никак он собирается войти в клан Мингатов. Это уже всем известно. Молодого человека разбирало любопытство, как они выйдут из щекотливого положения?

Начали они издали, с разговора о миссис Лемюэль Страферс.

«Напрасно Бьюфорты пригласили ее, – мягко заметила миссис Ачер. – Впрочем, Реджина вечно поступает так, как он ей велит, а Бьюфорт...»

«А Бьюфорт и дела нет до всяких нюансов,» – закончил ее мысль мистер Джексон, подозрительно разглядывая жареную шэд и в тысячный раз задаваясь вопросом, почему кухарка миссис Ачер норовит превратить рыбью икру в золу. При этом Ньюлэнд каждый раз наблюдал на лице старика выражение явного неудовольствия, – так недолго было впасть в меланхолию.

«Вот именно; Бьюфорт просто вульгарен, – добавила миссис Ачер. – Мой дедушка Ньюлэнд всегда говорил моей матери: „Что бы ты ни затевала, не знакомь этого Бьюфорта со своими дочерьми!“ Но, по крайней мере, в мужское общество он вполне вписался. В Англии, говорят, тоже. Все это так таинственно и непонятно...»

Она взглянула на Дженни и осеклась. Мать и дочь прекрасно знали все подробности нашумевшей истории, связанной с именем Бьюфорта, но на публике миссис Ачер продолжала всякий раз прерывать «подобные разговоры в присутствии незамужних леди».

«Так что эта миссис Страферс? – перевела разговор в другое русло миссис Ачер. – Кем, говорите, она была, Силлертон?»

«Ходят сплетни, что она работала в одном салоне... понимаете, на самом дне! Потом разъезжала по Новой Англии с паноптикумом на колесах, пока полиция не прекратила это подозрительное „турне“. Говорят, она жила...». – тут мистер Джексон бросил взгляд на Дженни, чьи глаза начали округляться под чуть припухшими веками. Для нее все еще оставались белые пятна в биографии миссис Страферс.

«Ну а потом, – продолжал мистер Джексон (Ачер видел, что он с удивлением наблюдает за дворецким, которого, видимо, никто не предупредил, что огурцы не следует резать стальным ножом), – потом в ее жизни появился Лемюэль Страферс. Говорят, его рекламный агент использовал девиц, а точнее, их головки, для рекламы кремов для обуви. Знаете ли, у нее волосы, как вороново крыло – можно сказать, египетский стиль. В общем, в конце концов, он на ней женился».

Он намеренно растянул это «в конце концов», делая ударение на каждом слоге. Тем самым он вкладывал некий тайный смысл во все предложение.

«Ну, в наши дни обо всем этом уже успели позабыть», – молвила миссис Ачер индифферентно. Сейчас миссис Страферс мало интересовала обеих дам: куда больше их занимали свежие сплетни, касавшиеся Элен Оленской. На самом же деле имя миссис Страферс было упомянуто миссис Ачер лишь затем, чтобы она могла потом как бы невзначай спросить: «А что, новоиспеченная кузина Ньюлэнда, графиня Оленская, тоже присутствовала на балу?»

Миссис Ачер упоминала имя своего сына в этом контексте с некой иронией; но именно этого молодой человек и ожидал. Она, несмотря на то, что редко приходила в неописуемый восторг от каких бы то ни было событий, была чрезвычайно рада тому обстоятельству, что помолвка ее сына состоялась. («Особенно после этой дурацкой истории, в которую попала миссис Рашворт», – замечала она, обращаясь к Дженни и имея в виду тот трагический, по мнению Ньюлэнда, случай, который оставил неизгладимый след в его душе). Как бы там ни было, Мэй Велланд была самой блестящей партией во всем Нью-Йорке. И, разумеется, только Ньюлэнд – лишь он один! – и оказался достойным ее руки. Но эти молодые мужчины такие ветреные и непредсказуемые, а некоторые дамы такие беспринципные – и среди них есть опасные обольстительницы! Поэтому неудивительно, что сердце матери возликовало: как-никак ее сын благополучно миновал остров Сирен и скоро найдет себе пристанище у благословенного домашнего очага.

Такие чувства преобладали в душе миссис Ачер, и они были понятны ее сыну. Но он также прекрасно осознавал, что она была несколько встревожена поспешностью, с которой было объявлено о помолвке, – вернее, ее беспокоила сама причина, а не следствие. Именно из-за этого, поскольку, в общем и целом он был внимательным и чутким молодым человеком, Ачер и предпочел остаться дома в тот вечер.

«Не то, чтобы я не поддерживала корпопативный дух Минготов, – несколько ворчливо произнесла миссис Ачер, поворачиваясь к Дженни, которая одна понимала все нюансы настроения своей матери и чувствовала, когда тень недовольства ложилась на ее обычно приветливое и милое лицо. – Дело вовсе не в этом. Признаться, не понимаю, почему помолвка Ньюлэнда должна иметь какое-то отношение к появлениям и исчезновениям этой мадам Оленской.»

Миссис Ачер вела себя красиво, – пожалуй, даже слишком красиво, – во время их визита к миссис Велланд; но и сам Ньюлэнд и его невеста, несомненно, догадывались, что миссис Ачер с Дженни сидели, как на иголках, ожидая, что в любой момент может появиться графиня

Оленская. И когда они все вместе возвращались домой, она позволила себе заметить: «Я благодарна Августе Велланд за то, что она приняла нас одних.»

Признаки внутреннего беспокойства заставили Ачера сильнее, чем он бы того хотел, осуждать Мингатов. Все-таки они зашли слишком далеко, думал молодой человек. Но поскольку Ачеры, не сговариваясь, обходили молчанием главный предмет, он ответил просто: «Видишь ли, так уж заведено, что во время помолвки знакомишься если не со всеми, то во всяком случае со многими членами семейства своей будущей супруги, и приходится участвовать в разных церемониях. У меня одно желание, – чтобы они поскорее закончились!»

Вместо ответа Аделина Ачер слегка наморщила губы под кружевной вуалью, которая свисала с ее серой фетровой шляпы, украшенной искусственной гроздью винограда, прихваченной инеем.

Он чувствовал, что в отместку – и эта будет вполне справедливой! – она наведет мистера Джексона на разговор о графине Оленской. И хотя молодой человек уже сделал все, что мог, чтобы поддержать опальную графиню, он не возражал, когда дамы обсуждали ее в приватной беседе. Впрочем, эта тема уже порядком наскучила Ачеру.

Мистер Джексон угощался разогретыми кусочками филе, которые надутый дворецкий не замедлил подать ему, отвечая на его скептический взгляд презрительной усмешкой. От грибного соуса он отказался, едва заметно при этом фыркнув. Мистер Джексон явно остался недоволен и голоден, и Ачер подумал, что, закончив трапезу, он, вероятно, отыграется на «бедняжке Элен Оленской».

Откинувшись на спинку стула, мистер Джексон окинул взглядом освещенные пламенем свечей портреты Ачеров, Ньюлэндов и Ван-дер-Лайденов, висевшие в тяжелых рамах на темных стенах.

«Ах, как ваш дедушка Ачер любил покушать, дражайший Ньюлэнд! – сказал он, не отрывая взгляда от портрета полного, широкогрудого джентльмена в расцвете сил, на котором, помимо всего прочего, были голубой пиджак и широкий галстук. Он был изображен на фоне собственной усадьбы с белой колоннадой.

„Да-с, интересно, что бы сказал он по поводу всех этих иностранных браков!“

Так как миссис Ачер проигнорировала его попытку завести разговор о ее предках, мистер Джексон продолжал, взвешивая каждое слово: „Нет, она не присутствовала на балу.“

„Ах вот как! – протянула миссис Ачер таким тоном, словно хотела сказать: – Надо же, она поступила благородно!“

„А может, Бьюфорты с ней не знакомы“, – предположила Дженни не без некоторого злобства.

Мистер Джексон сглотнул, как если бы он дегустировал разлитую в воздухе мадеру.

„Возможно, миссис Бьюфорт ее и не знает, но сам Бьюфорт с ней точно знаком: сегодня ее видели разгуливающей вместе с ним по Пятой Авеню, на виду у всего Нью-Йорка“.

„Мерси“, – прошептала миссис Ачер, которая по всей вероятности осознавала бесплодность всяких попыток подвергнуть анализу поступки иностранок и вписать их в рамки приличий.

„Интересно, что она надела среди бела дня – тюрбан или меховую шапку? – размышляла вслух Дженни. – Насколько мне известно, в Орега она явилась в синем бархатном платье без единой складочки, которое больше походило на ночную рубашку“.

„Дженни!“ – воскликнула миссис Ачер, и девушка покраснела, стараясь не уронить собственного достоинства.

„Во всяком случае, она проявила достаточно вкуса и такта, чтобы не ходить на этот бал“, – заметила миссис Ачер.

Справедливости ради, Ачер позволил себе снова вмешаться в разговор:

„Дело не во вкусе и не в такте, – заметил он. – Мэй говорила, что она собиралась появиться на балу, но потом раздумала, поскольку не была уверена, что достаточно хорошо одета...“

Миссис Ачер улыбнулась, ибо ее догадки подтвердились.

„Бедняжка Элен! – сказала она просто и добавила с состраданием: – Нам не следует забывать о том, что Медора Мэнсон дала ей эксцентричное воспитание. Что можно ожидать от девушки, которой позволяли рядиться в черный атлас? Помнится, именно в таком виде она явилась на выпускной бал...“

„Да, я и в самом деле помню этот прецедент!“ – заметил мистер Джексон и воскликнул: – Бедная девушка!» – тоном человека, наслаждающегося воспоминаниями и в то же время вполне осознающего, к чему все клонят.

«Странно, – заметила Дженни, – что она не сменила это бездарное имя Элен. Я непременно переделала бы его на Элейн».

Девушка обвела глазами сидящих за столом, чтобы убедиться, что слова ее произвели должный эффект.

Но брат ее засмеялся.

«Почему Элейн?» – спросил он сквозь смех.

«Ну, не знаю... Оно больше похоже на... на польское имя,» – ответила Дженни, краснея.

«Имя, которое ты предлагаешь, звучит вызывающе, а поэтому, оно вряд ли устроило бы графиню», – холодно сказала миссис Ачер.

«А почему бы и нет? – снова вмешался в разговор Ачер, который настроил себя на диспут. – Почему бы ей не вести себя вызывающе, если ей вздумается? С чего бы ей жаться в сторонке, когда она уже успела запятнать свою репутацию? О да, конечно, она – „бедняжка Элен“, потому что имела несчастье неудачно выйти замуж. Но не вижу причины, чтобы она должна была прятать голову в песок, словно она – какая-нибудь преступница!»

«Полагаю, такой же точки зрения придерживаются и Минготы», – задумчиво заметил мистер Джексон.

Настала очередь Ньюлэнда Ачера покраснеть.

«Я не собираюсь смотреть им в рот, сэр! Вы ведь это имели в виду, не так ли? Жизнь мадам Оленской сложилась не самым лучшим образом, но из этого не следует, что она аутсайдер!»

«Ходят слухи...» – осторожно начал мистер Джексон, бросая взгляд на Дженни.

«О секретаре, что ли? – прервал его молодой человек. – Все это чушь, матушка! Кстати, Дженни уже взрослая и все понимает. Так вот, говорят ведь, – продолжал он, – что секретарь помог ей унести ноги от этого чудовища в человеческом облике – ее мужа, который держал ее в заточении, как пленницу. Ну и что из того? Надеюсь, среди нас не найдется такого мужчины, который не повторил бы его подвиг в подобной ситуации!»

Мистер Джексон бросил взгляд через плечо и обратился к мрачному дворецкому: «Попрошу вас... немного соуса... совсем чуть-чуть... я решил, в конце концов, затем, пробуя соус, он заметил: Говорят, она подыскивает себе дом. Собирается жить здесь...»

«Я слышала, что она хочет развестись!» – выпалила Дженни.

«Надеюсь!» – воскликнул Ачер.

Это слово прозвучало, подобно выстрелу в уютной и спокойной атмосфере гостиной Ачеров. Миссис Ачер слегка приподняла брови, что означало: «Дворецкий!»; и молодой человек, считавший дурным тоном выносить на публику обсуждение столь деликатных вопросов, поспешил сменить тему разговора и рассказал о том, как прошла его встреча с миссис Мингот.

После обеда, согласно давнишней семейной традиции, миссис Ачер и Дженни принесли в гостиную длинную шелковую дорожку и, пока мужчины курили в библиотеке, уселись вышивать. Они работали при свете карцельской лампы, на которой был выгравирован глобус; сидя

напротив друг друга за столом из розового дерева, под которым помещался шелковый зеленый мешочек, они не спеша вышивали дорожку полевыми цветами. Дорожкой этой предполагалось накрыть сверху «парадное кресло», стоявшее в гостиной еще с тех времен, когда миссис Ачер была совсем юной.

Пока дамы занимались рукоделием, выполняя этот особый ритуал, Ачер усадил мистера Джексона в кресло рядом с камином в готической библиотеке и угостил его сигарой. Мистер Джексон с наслаждением утонул в кресле и закурил, вполне доверяя вкусу Ачера (ибо сигары покупал Ньюлэнд). Вытянув худые ноги поближе к огню, он молвил:

«Говорите, секретарь просто помог ей бежать, мой друг? Гм, в таком случае, он продолжает помогать ей, несмотря на то, что с тех пор прошел целый год. Кто-то подтвердил, что они живут вместе в Лозанне».

Ньюлэнд покраснел. «Живут вместе? Ну и что из того? Кто смеет считать ее жизнь конченной, если она сама так не считает? Мне претит лицемерие людей нашего круга, способных похоронить женщину ее возраста, только из-за того, что муж ее не вылезает из борделей!» Он замолчал и отвернулся, закулив сигару.

«Женщины должны быть свободны, как свободны мы, мужчины», – заявил он, сделав открытие, значение которого он тогда недооценил из-за того, что был крайне раздражен.

Мистер Джексон вытянул ноги поближе к огню и презрительно свистнул.

«Ну, – сказал он после непродолжительной паузы, – досталось же от вас графу Оленскому! Но вообще-то он и палец о палец не ударил, чтобы заполнить обратно свою женушку!»

Глава шестая

В тот вечер, после того, как мистер Джексон откланялся, а дамы удалились в свою обитую ситцем спальню, Ньолэнд Ачер в глубокой задумчивости поднялся наверх в кабинет. Заботливые руки слуг всегда поддерживали огонь в камине и смахивали пыль со старинной лампы; эта комната, с нескончаемыми рядами книжных полок, бронзовыми и стальными статуэтками фехтовальщиков на столешнице и многочисленными репродукциями знаменитых картин казалась такой уютной! Тихое, уединенное место, где можно было по-настоящему отдохнуть душой.

Когда Ньолэнд устроился в кресле у камина, его взгляд задержался на большой фотографии Мэй Велланд, которую девушка подарила ему в первые дни их нежной дружбы. Убрав со стола все остальные фотографии, он оставил на нем лишь фотографию своей невесты. С умилением он смотрел на ее открытый лоб, серьезные глаза и нежный девичий рот и думал, что невинную душу этого юного создания он всегда будет ревностно оберегать. Так кто же эта девушка, принявшая знакомый образ Мэй Велланд? Как ее душа сохраняет свою чистоту среди водоворота самых разных событий, неизменно будоражащих общество, к которому он принадлежит и в незыблемость устоев которого он продолжает верить? Нет, он не знает эту девушку, смотрящую на него с фотографии. Она еще только вступила в жизнь, и хочет все постичь... И снова в его голове пронеслась мысль, что брак – это отнюдь не тихая гавань, а бесконечное плавание по бурливым морям.

На эти мысли, отчасти, его натолкнули разговоры о судьбе графини Оленской; они мешали ему тем, что нарушали его душевное равновесие.

Его собственные слова: «Женщины должны быть свободны, как свободны мы, мужчины», – свидетельствовали о том, что он вольно или невольно затронул проблему, существование которой общество предпочитало вообще замалчивать.

Лучшие из женщин, к несчастью притесняемые, никогда не потребовали бы свободы, которую он имел в виду, когда произнес эти слова; поэтому, мужчины с передовым мышлением – такие, как он сам – в пылу спора готовы были биться для них за нее. Впрочем, какие бы красивые и правильные слова не произносили «доморощенные ораторы», – грош им цена, если, выходя из кабинета, они немедленно выкидывали их из головы и не подкрепляли их действием.

Но в данном случае Ачер был тверд, в своем намерении отводить от «бедняжки Элен» все громы и молнии со стороны церкви и общества. Он обещал это своей будущей жене, чьи мир и покой ему были дороже всего. Конечно, перед ним стояла дилемма. К счастью, он не мог вообразить себя на месте того негодяя – польского аристократа – поэтому ему не удавалось представить себе, какими правами тот обделял свою жену. Но интуиция подсказывала ему, что их семейная жизнь с Мэй была бы совершенно иной, лишенной бурь и страстей. Но что, собственно, они знали друг о друге? Несмотря на то, что Ачер стал женихом, он ничего не рассказывал невесте о своем прошлом, а ей попросту нечего было от него скрывать. Что если они вдруг наскучат друг другу, или воздвигнут между собой стену непонимания, или будут раздражаться по пустякам? Ачер перебрал в уме браки своих знакомых – вроде бы удачные – и пришел к выводу, что ни один из них даже в малейшей степени не соответствует тому идеалу нежной и преданной дружбы, которую он представлял себе, мечтая о долгой жизни с Мэй Велланд. Он осознавал, что для того, чтобы создать идеальную семью, и сама Мэй тоже должна обладать жизненным опытом, определенной гибкостью мышления и свободой суждений. Но она росла в тепличных условиях, и ничего этого у нее не было. И он вздрогнул, почувствовав, как червь сомнений зарождается в его душе. Что если и его браку со временем суждено превратиться в тяжелые узы, союз, который зиждется лишь на материальной основе и обязательствах перед обществом, и который неминуемо распался бы, если б не лицемерие с одной стороны и покорность с другой.

В его представлении не кто иной, как Лоренс Лефертс, пожалуй, был мужем, сумевшим создать некое подобие той семейной идиллии, о которой он так мечтал. Будучи знатоком этикета и законодателем мод, он сумел вылепить себе жену по своему образу и подобию, что было весьма удобно, в первую очередь, для него самого, – особенно, когда он (а делал он это не так уж редко!) позволял себе флиртовать с чужими женами. Между тем, его жена, пребывая в блаженном неведении, любила повторять: «Лоренс всегда придерживается исключительно строгих правил!», и краснела в негодовании, отводя взгляд всякий раз, когда кто-нибудь ссылаясь на мнение Джулиуса Бьюфорта (этого иностранца с сомнительной репутацией!), известного всему Нью-Йорку «законодателя традиций».

Ачер тешил себя надеждой, что он не такой осел, как этот Ларри Лефертс, а Мэй не такая наивная, как бедная Гертруда, но вся-то разница между ними заключалась в отсутствии интеллекта у одних и его наличии – у других, а не в образе жизни. Реальность, в которой они жили, напоминала Ачеру театр пантомимы: то был мир условностей, в котором истина всегда замалчивалась. Более того, о ней предпочитали не думать! Взять хотя бы ту же миссис Велланд, которая прекрасно понимала, почему Ачер настоял на том, чтобы об их помолвке с Мэй было объявлено на балу у Бьюфортсов. В конце концов, именно этого все от него и ожидали, но миссис Велланд сделала вид, будто поступает так не по доброй воле, а по принуждению. Можно подумать, он, как какой-нибудь первобытный охотник, силой уводил невесту из пещеры ее сородичей (книжки о первобытнообщинном строе уже тогда читались просвещенными людьми). А в результате эта юная девушка, его невеста, которая каким-то чудом умудрялась существовать внутри этой детально разработанной системы мистификаций, оставалась для него непостижимой загадкой, благодаря своей чистоте и искренности. Да, Мэй честна («О, бедная возлюбленная!») потому, что ей нечего скрывать; она сияет чистотой, так как в жизни ничего дурного не совершила! И вот, абсолютно неподготовленная к неожиданным «поворотам судьбы» (как называют разные непредвиденные обстоятельства умудренные опытом главы семейств), эта юная девушка в одночасье станет женой, его женой! Конечно, молодой человек был влюблен. Но никто не смог бы утверждать, что он потерял голову от любви. Он восхищался нежными чертами своей возлюбленной, ее душевным спокойствием и грацией; он любил смотреть, как она скачет на лошади и с каким азартом и ловкостью играет в спортивные игры; он старался привить ей вкус к литературе, и она делала первые попытки приобщиться к интеллектуальному чтению под его руководством. Мэй достаточно преуспела в этом занятии, и от души смеялась вместе с ним над «Голым королем», но еще не воспринимала красоту «Одиссеи» или «Махабхараты». Мэй была целеустремленной, преданной и храброй; к тому же, у нее было развито чувство юмора, о чем свидетельствовал ее звонкий смех, всякий раз воодушевлявший его, когда он рассказывал смешные истории. Ачер также подозревал, что в глубине ее невинной души притаилась радость, которую он, возможно, сможет разбудить. Но, бегло нарисовав в своем воображении образ Мэй, он вдруг поймал себя на том, что думает, не поддельны ли вся эта ее трогательная чистота и невинность. Неискушенные в делах житейских люди редко бывают такими безупречными во всем. Что если все это – напускное, что если все это – всего лишь игра? Его подавляла мысль о том, что имидж чистоты его невесты старательно продумывался и обсуждался на совете матрон: маменек, тетусшек, бабушек... В ход пошли маленькие хитрости, к которым прибегали давно почившие родственницы. И этот образ создавался с определенной целью, а именно, – понравиться ему, Ньюлэнду Ачеру. Он ведь имел на это право, как жених! И как ее будущий «супруг и господин», он мог, забавы ради, разрушить этот образ, если он был фальшивым, словно талую снежную фигурку.

Все эти размышления были весьма банальными: подобные сомнения часто начинают одолевать молодых людей накануне их бракосочетания. И они зачастую сопровождаются угрызениями совести и самоуничижением, хотя у Ньюлэнда Ачера не было признаков ни того, ни другого. Он несколько не сожалел (в отличие от героев Теккерея), что не может отыскать чистую

страницу в своем прошлом и настоящем, чтобы предложить ее своей невесте в обмен на чистое сердце и незапятнанную душу, которые она вверяла ему. Он все думал о том, что если бы получил такое же воспитание, как она, то они оба в этом мире, как заблудившиеся дети в дремучем лесу, не знали бы, куда идти. Нет, он не видел ни одной достаточно веской причины (за исключением, конечно, своего собственного желания получить мимолетное наслаждение и удовлетворить свое мужское самолюбие!) тому, чтобы его невеста до замужества жила «под стеклянным колпаком» и не приобрела никакого жизненного опыта.

Все эти мысли, нахлынувшие в столь поздний час, омрачили настроение молодого человека. К тому же Ачер прекрасно осознавал, что сомнениям, зародившимся в его душе, он обязан неожиданному возвращению графини Оленской. Вместо того, чтобы лелеять в душе светлые мысли и безоблачные надежды он, в самый знаменательный период своей жизни, втянут в скандальную историю; всплыли проблемы, о которых он предпочел бы вообще не думать.

«Какое мне дело до этой Элен Оленской?» – проворчал он, погасив огонь в камине и начиная разоблачаться. Ачер и в самом деле не понимал, почему ее незавидная судьба должна хоть как-то влиять на его собственную. Он смутно чувствовал, что тревожения, связанные с его намерением вступить в брак с Мэй Велланд, еще только начинаются.

А через несколько дней грянул гром. Супруги Ловелл Мингот разослали приглашения на прием, который устраивали в честь графини. Предполагалось нанять еще трех лакеев и подавать сразу несколько блюд, а между ними – румынский пунш. В верхнем углу каждой карточки они написали: «Прием в честь Элен Оленской.»

Все было подготовлено к встрече на высшем уровне, – в соответствии с традицией гостеприимных американцев оказывать иностранцам такие почести, словно они члены королевских семей или, по меньшей мере, послы иностранных держав.

Все гости прошли своеобразный «конкурсный отбор». Железная рука Кэтрин Великой просеивала их имена сквозь сито своих предубеждений, и посвященный без труда догадался бы, кто составлял список приглашенных. В него вошли супруги Сельфридж Меррис, которых всегда приглашали на все приемы (уж так повелось!), Бьюфорты, которых нельзя было не пригласить, мистер Силлerton Джексон со своей сестрой Софи (брат сам советовал ей, какие вечера следует посещать). Все это была респектабельная, состоятельная «молодежь»; а чтобы разбавить ее, была приглашена не менее представительная публика – Лоренс Лефертс, миссис Лефертс Рашворт (очаровательная вдова), Гарри Торли, Реджи Чиверс и Морис Дедженит с супругой (урожденной Ван-дер-Лайденом).

Старой Кэтрин Мингот и в самом деле удалось блестяще составить список. Все приглашенные принадлежали к узкому кругу знакомых, которые во время долгой Нью-Йоркской зимы часто общались между собой. Они немало ценили общество друг друга.

Через сорок восемь часов случилось невероятное: все, за исключением Бьюфтортов и старого мистера Джексона с сестрой, отклонили приглашения Минготов. Отказ был воспринят болезненно еще и потому, что Реджи Чиверс тоже принадлежал к клану Минготов, и все же он не считал возможным присутствовать на этом приеме. Сама по себе форма отказа была просто оскорбительна. Все писали, что весьма сожалеют, но не смогут быть. Они ничем не смягчили свой отказ, как того требовали правила этикета и элементарная вежливость. Они не стали пояснять в своих записках, что у них уже назначена другая встреча, – нет, они просто отказали.

В те дни светские люди Нью-Йорка были наперечет, и все, включая конюхов, лакеев и поваров прекрасно знали, кто куда выезжает и по каким дням. Таким образом, было совершенно очевидно, что приглашенные, приславшие свои отказы, не желают присутствовать на приеме в честь графини Оленской.

Это был совершенно неожиданный удар. Но Минготы, как всегда, спокойно отнеслись к поражению. Миссис Ловелл Мингот поведала в доверительной беседе о том, что случилось, миссис Велланд, а та, в свою очередь, все передала Ньюленду. Тот, оскорбленный до глубины

души, позволил себе высказать вслух, в присутствии матери, все, что он думает по этому поводу; и та, после долгих внутренних колебаний, не показывая сыну, что тоже взволнована, решила внять его горячим просьбам (она это делала всегда) и, немедленно оценив ситуацию, с двойной энергией приступила к делу. Надев свою серую фетровую шляпу, она сказала: «Надо бы съездить к Луизе Ван-дер-Лайден.»

Нью-йоркское общество во времена Ньюлэнда Ачера напоминало гладкую пирамиду, в которой не было ни единой трещинки и на вершину которой, поэтому, невозможно было вскарабкаться. Эта пирамида стояла на достаточно прочном фундаменте, – он состоял из тех, кого миссис Ачер называла «простыми людьми»; подавляющее большинство представителей уважаемых семейств (Спайсеры, Леферты или Джексоны) вознеслись на ее вершину благодаря тому, что заключали удачные браки и вливались в кланы, которые правили бал.

Общество, как говаривала та же миссис Ачер, уже не то, что было раньше; и в самом деле, где уж тут сохраниться старым добрым традициям, если на одном конце Пятой Авеню обосновалась всемогущая Кэтрин Спайсер, а на другом – Джулиус Бьюфорт!

Устойчивая, но почти не видная с земли вершина этой «пирамиды благосостояния» была представлена тесно сплоченной доминантной группой. В нее входили Минготы, Ньюлэнды, Чиверсы и Мэнсоны. Они сформировали ее активное ядро. Большинство людей склонялось к тому, что именно эти семьи и увенчивают собой нью-йоркскую «пирамиду»; но сама элита (по крайней мере, поколение миссис Ачер) не обманывала себя на этот счет, зная, что в глазах любого человека, сведущего в геральдических вопросах, только самое ограниченное число семей могло претендовать на роль «верхушки».

«И не рассказывайте мне, – говорила миссис Ачер своим детям, – всю эту газетную чепуху о жизни Нью-Йоркской аристократии. Если она еще не выродилась окончательно, то к ней следует относить отнюдь не Минготов с Мэнсонами. О, нет, Ньюлэндам с Чиверсами до нее далеко. Наши деды и прадеды были всего-навсего уважаемыми английскими или голландскими купцами, которые прибыли в колонии, чтобы попытать счастья. Они остались здесь потому, что дело их процветало. Один твой прадед подписывал Декларацию, а второй воевал на стороне Джорджа Вашингтона и дослужился до генеральского чина. После битвы под Саратогой его наградили почетным орденом Генерала Бургойна. Конечно, нашим предкам было чем гордиться, но... их положение в обществе после столь блистательных побед никак не изменилось. Наш Нью-Йорк всегда считался городом коммерсантов, и в нем только три семейства могут похвастать своим аристократическим происхождением».

Миссис Ачер, ее сын и дочь, равно как и остальные жители Нью-Йорка, знали, кто были эти привилегированные люди: Деджениты с площади Вашингтона, чьи предки испокон веков жили в старинном английском родовом поместье и вели свой род от Питсов и Фоксов; Ланнингсы, породнившиеся с потомками графа Деграсса еще до революции посредством заключения выгодных браков, и Ван-дер-Лайдены, прямые наследники первого губернатора Манхэттана, голландца по происхождению.

Из Ланнингсов в живых остались только две старушки. Сестры Ланнингс коротали свои дни среди семейных портретов и старинной мебели стиля чиппендель. Они безмятежно предавались воспоминаниям о днях минувших.

Клан Дедженитов считался довольно внушительным. Семьи, входившие в него, в основном, жили в Балтиморе и Филадельфии. Что же касается Ван-дер-Лайденов, то из них, стоявших выше всех по своему социальному положению, наибольшего интереса, пожалуй, заслуживали супруги Генри Ван-дер-Лайден. С сожалением можно было отметить, что сам род потихоньку угасал.

Миссис Луиза Ван-дер-Лайден до замужества носила фамилию Дедженит, а мать ее была внучкой Колонела Дюлака из семьи с Чэннел-Айленд. Он воевал под Корнуоллом и, когда закончилась война, поселился в Мэриленде вместе со своей невестой, леди Анжеликой Тревен-

ной, пятой дочерью князя Сан-Острейского. Взаимоотношения между Дедженитами, потомками Дюлака из Мэриленда, и их корнуолльскими родственниками, Тревеннами, всегда оставались сердечными и дружескими. Супруги Ван-дер-Лайден неоднократно посещали главу семейства Тревеннов, князя Сан-Острейского, в его родовом гнезде в Корнуолле и в Сан-Остри в Глостере. В свою очередь Его Светлость часто заговаривал о своем намерении почтить их ответным визитом («Княгиня пусть остается дома: она боится Атлантики!»). Мистер и миссис Ван-дер-Лайден проводили время то в Тревенне, своем имении в Мэриленде, то в Скайтерклифе, огромном поместье на Гудзоне, которое правительство Голландии выделило для выдающегося человека, первого губернатора Манхэттана. Теперь его законным владельцем считался мистер Ван-дер-Лайден. А вот их огромный, торжественный особняк на Мэдисон-Авеню почти все время пустовал. Когда супружеская чета возвращалась в Нью-Йорк, она принимала в нем только своих близких друзей.

«Почему бы тебе не поехать со мной, Ньюлэнд, – сказала его мать, вдруг останавливаясь в дверях из мореного дуба. – Луиза так тебя любит! И, конечно же, только ради Мэй я иду на подобный шаг. Ну и еще – в интересах общества, потому что если мы не будем горой стоять друг за друга, то от него останутся одни лишь воспоминания!»

Глава седьмая

Миссис Генри Ван-дер-Лайден в молчании слушала свою кузину, миссис Ачер. Следует отметить, глубокоуважаемый читатель, что миссис Ван-дер-Лайден была молчалива от природы и что она, несмотря на всю свою сдержанность, отчасти обусловленную воспитанием, уж если кого-нибудь любила, то любила по-настоящему. Но даже знание этой стороны ее натуры не всегда служило надежной защитой от холода, которым она порой обдавала своих знакомых, дерзнувших переступить черту дозволенного. На Мэдисон-Авеню, в гостиной с высокими потолками и окрашенными в белый цвет стенами, иногда случались такие «похолодания». Помимо всего прочего, в этой гостиной стояли кресла, обитые светлой парчой (чехлы снимались с них только во время приемов) и столы с орнаментами из золоченой бронзы, на которых лежали кружевные салфетки. На стенах, одна напротив другой, висели картина работы Гейнсборо «Леди Анжелика Дюлак» в тяжелой старинной раме и портрет миссис Ван-дер-Лайден (в черном бархатном платье с венецианским воротником) кисти Хантингтона. Нетрудно было уловить сходство между хозяйкой дома и ее прекрасной прародительницей. Он считался почти таким же превосходным, как и портреты Кабанеля, и хотя прошло уже лет двадцать с тех пор, как портрет был написан, краски на нем не потускнели. Казалось, что сама миссис Ван-дер-Лайден, сидевшая теперь в кресле и внимавшая речам миссис Ачер, – родная сестра прекрасной Анжелики Дюлак; художник нарисовал ее, в самом расцвете сил, еще молодой, сидящей в позолоченном кресле на фоне репсового занавеса.

Миссис Ван-дер-Лайден по-прежнему надевала свое черное бархатное платье с венецианским воротником, когда выезжала в свет – или (она никогда не обедала в клубах) когда широко распахивала двери своего дома, чтобы принять гостей. Волосы ее, которые не поседелели, но с возрастом обесцветились, были по-прежнему закручены в плоские букли, закрывавшие верхнюю часть высокого лба. Пожалуй, в то время, когда художник работал над портретом, прямой нос Луизы Ван-дер-Лайден был очерчен несколько четче, а голубые глаза ее сияли ярче, чем теперь. Она всегда потрясала Ньюлэнда Ачера тем, что позволила как бы законсервировать себя в идеальных условиях, создаваемых для нее мужем и слугами. Так тела, замороженные в глыбах льда, хранятся в них годами, не увядая.

Подобно всем членам своей семьи, молодой человек уважал миссис Ван-дер-Лайден и восхищался ею. Но он находил ее любезность преувеличенной, а способ отказывать гостям (предварительно вытянув из них всю душу) несколько жестоким, хотя она и делала это всегда в мягкой форме. Ему казалось, что некоторые из престарелых тетюшек его матери – злобные старые девы – и те поступали куда гуманнее, из принципа говоря: «Нет!» – еще до того, как их собеседник успевал изложить свою просьбу.

Миссис Ван-дер-Лайден никогда не давала окончательного ответа сразу же, но всегда обнадеживала просителя улыбкой, игравшей на ее тонких губах. А потом она неизменно отвечала: «Я должна вначале переговорить со своим мужем». Они с мистером Ван-дер-Лайденом за столько лет своего счастливого супружества стали так близки, что Ачер удивлялся, зачем им еще что-то обсуждать. Но так как ни одно решение не принималось без этих таинственных совещаний, миссис Ачер и ее сын, когда заранее представляли себе встречу с миссис Ван-дер-Лайден, были готовы к тому, что услышат эту знакомую фразу.

Однако, на сей раз миссис Ван-дер-Лайден, редко удивлявшая кого бы то ни было, повела себя самым неожиданным образом. Протягивая свою длинную, тонкую руку к колокольчику, она сказала:

«Думаю, я должна пригласить сюда Генри, чтобы он тоже послушал, что вы будете говорить мне.»

Почти сразу же после того, как она позвонила, явился лакей, которому она важно сказала: «Если мистер Ван-дер-Лайден закончил чтение газет, спросите, не соблаговолит ли он присоединиться к нам». Миссис Ван-дер-Лайден произнесла эти два слова: «чтение газет», – таким тоном, словно она была супругой министра, объяснявшей, что ее муж «в настоящий момент находится на заседании кабинета». Сделала она это вовсе не потому, что была высокомерна, а в силу того, что в течение их долгой совместной жизни у нее выработалась привычка воспринимать каждый жест мистера Ван-дер-Лайдена как целое событие, имеющее первостепенное значение; и друзья Ван-дер-Лайденов и их родственники считались с этим.

В данном случае ее решимость свидетельствовала о том, что она считает сам случай «из ряда вон выходящим», а миссис Ачер – чересчур навязчивой. Но, чтобы никто не подумал, что она настроила себя заранее, почтенная дама добавила, улыбаясь им одними глазами: «Генри всегда так рад вас видеть, Аделина! И он с удовольствием поздравит Ньюлэнда».

Двойные двери торжественно растворились, и на пороге появился сам мистер Генри Ван-дер-Лайден, – высокий, худощавый, с замороженной, как и у его супруги, приветливостью в глазах, которые были не бледно-голубые, как у нее, а серые. На нем был хорошо подогнанный по фигуре сюртук. Светлые его волосы со временем обесцветились, как и у жены; и даже нос у него был такой же прямой, как у нее.

Мистер Ван-дер-Лайден, как и полагалось кузену, тепло поприветствовал миссис Ачер, негромко произнес слова поздравления (почти те же самые, которые использовала его супруга), в адрес Ньюлэнда, и позволил себе расположиться в одном из обитых парчой кресел с неприужденностью правящего государя.

«Только что окончил чтение „Таймс“, – сказал он, складывая вместе свои длинные пальцы. – В городе я так занят по утрам, что предпочитаю просматривать газеты во время завтрака. Это так удобно при моей занятости!»

«Превосходная мысль, – заметила миссис Ачер. – А вот дядя Эгмонт, помнится, откладывал чтение утренних газет до обеда».

«Да, отец не любил спешки. Но теперь мы живем в мире сплошной суеты», – сказал мистер Ван-дер-Лайден, старательно подбирая каждое слово и медленно обводя взглядом просторную белую гостиную, которая, по мнению Ачера, как нельзя более соответствовала имиджу хозяев.

«Но, надеюсь, мы не помешали тебе читать?» – с легкой тревогой в голосе спросила его жена.

«О, нет!» – поспешил он ее успокоить.

«Тогда я бы хотела, чтобы Аделина все рассказала тебе».

«Вообще-то дело касается Ньюлэнда», – заметила миссис Ачер, улыбаясь, и принялась объяснять, в какое неприятное положение попала миссис Ловелл Мингот, получив почти от всех приглашенных письма с отказами.

«И, конечно, – закончила она, – Августа Велланд и Мэри Мингот обе чувствуют, что вам следует узнать об этом, – особенно в свете помолвки Ньюлэнда».

«О!» – воскликнул мистер Ван-дер-Лайден, слегка опешив.

В воцарившейся тишине каминные часы с бронзовой инкрустацией, стоявшие на мраморной полке, угрожающе тикали, словно в них была вмонтирована бомба замедленного действия. Ачер с благоговейным трепетом смотрел на две неподвижные стройные фигуры, с олимпийским спокойствием восседавшие рядом друг с другом. Отпрыски знаменитых родов не желали нарушать преемственность поколений и низлагать с себя венец величия, возложенный им на голову самой Судьбой. Они жили без излишеств, но элегантно, и пожинали невидимый урожай, чьи семена были брошены в плодородную землю Скайтерклифа их предшественниками. А по вечерам они все так же, следуя традиции, раскладывали пасьянс.

Мистер Ван-дер-Лайден первым пришел в себя.

«Так вы и в самом деле считаете, что здесь дело не обошлось без намеренного вмешательства Лоренса Лефертса?» – спросил он, обращаясь к миссис Ачер.

«Вне всякого сомнения, сэр! Ларри порой заходит слишком далеко... Если моя кузина Луиза не возражает, позволю себе упомянуть о его скандальной связи с женой почтмейстера (рядом с их поместьем есть один городок) или с кем-то в этом роде. А когда бедняжка Гертруда начинает подозревать, что дело нечисто, он, опасаясь скандала, откалывает подобные номера, строя из себя моралиста и доказывая с пеной у рта, что непозволительно приглашать его супругу на встречу с людьми, с которыми у нее не должно быть ничего общего. Да он просто использует бедняжку Элен Оленскую, как громоотвод! Он и раньше часто так делал!»

«Ох уж эти Лефертсы!» – воскликнула миссис Ван-дер-Лайден.

«И не говорите, дорогая! – отозвалась миссис Ачер. – Что подумал бы дядя Эгмонд, услышав, как Лоренс Лефертс восстает против кого-нибудь? До чего докатилось наше общество!»

«Точнее, некоторые его члены», – холодно произнес мистер Ван-дер-Лайден.

«Эх, если бы вы и Луиза могли почаще выезжать в гости!» – вздохнула миссис Ачер. И тут же поняла, что сплеховала: Ван-дер-Лайдены всегда болезненно относились к любой, пусть даже завуалированной, критике своего уединенного существования. Они считались признанными арбитрами светской жизни, их слово было законом (по крайней мере для многих). Они это знали и благодарили судьбу за то, что она им посылала. От природы они были стеснительными людьми, и, как уже упоминалось выше, жили уединенно в лесной тиши Скайтерклифа. Они старались как можно реже выбираться в город, а когда делали это, то отклоняли все приглашения, ссылаясь на состояние здоровья миссис Ван-дер-Лайден. Ньюлэнд поспешил на выручку к своей матери:

«Все в Нью-Йорке знают, что вы с миссис Ван-дер-Лайден пользуетесь исключительным влиянием. Вот почему миссис Мингот чувствует себя обязанной посоветоваться с вами, как предотвратить скандал, который назревает вокруг графини Оленской».

Миссис Ван-дер-Лайден переглянулась со своим мужем.

«Этот принцип мне не нравится, – сказал, наконец, мистер Ван-дер-Лайден. – Если представители известного клана поддерживают свою... э... заблудшую овечку, – чего еще желать?»

«И я так думаю», – кивнула миссис Ван-дер-Лайден с таким видом, точно ей в голову пришла оригинальная мысль.

«Я понятия не имел, – продолжал мистер Ван-дер-Лайден, – что дело так далеко зашло». Он сделал паузу и снова посмотрел на свою жену:

«Кажется, дорогая, эта графиня Оленская – наша дальняя родственница, – так, седьмая вода на киселе, по линии первого мужа Медоры Мэнсон. Так или иначе, мы с ней уж точно породнимся, когда состоится свадьба Ньюлэнда.»

Он повернулся к Ньюлэнду и спросил:

«Вы читали утреннюю „Таймс“, Ньюлэнд?»

«Да, конечно, сэр», – ответил молодой человек, который обычно «проглатывал» с полдюжины страниц за чашкой кофе.

Супруги снова переглянулись. Две пары выцветших голубых глаз долго вели немые переговоры. Но вот миссис Ван-дер-Лайден чуть раздвинула губы в улыбке. Судя по всему, она правильно истолковала значение взгляда своего мужа и была готова подыгрывать ему.

Мистер Ван-дер-Лайден сказал, обращаясь к миссис Ачер:

«Если здоровье Луизы позволит ей (и я прошу вас передать мои слова миссис Ловелл Мингот), мы будем счастливы... э... занять места Лефертсов за ее обеденным столом, – он снова сделал паузу, стараясь понять, уловили ли остальные скрытую в его словах иронию. – Но не знаю, может ли миссис Мингот и в самом деле рассчитывать на наше присутствие». Миссис Ачер сочувственно вздохнула. «Но Ньюлэнд говорит, – продолжал он, – что читал

утреннюю „Таймс“; поэтому, вероятно, он видел фотографию родственника Луизы, князя Сан-Острейского. Он прибывает сюда на следующей неделе на теплоходе „Россия“. Князь намерен подготовить к Международной регате, которая состоится следующим летом, свою яхту „Минерва“. Потом он собирается поплыть под парусами в Тревенну и там принять участие в охоте». Мистер Ван-дер-Лайден перевел дыхание и продолжал с возрастающей теплотой в голосе: «Прежде, чем отвезти его в Мэриленд, мы решили устроить небольшой прием в его честь и пригласить на него несколько друзей. Но вначале, разумеется, мы пригласим всех отобедать. Я уверен, что Луиза будет так же рада, как и я, если графиня Оленская позволит включить ее имя в список гостей». С этими словами он поднялся, слегка поклонился своей кузине и добавил: «Думаю, Луиза разрешит мне сказать за нее, что она сама завезет приглашение с визитками, – с нашими визитками, конечно! Она как раз сейчас собирается выезжать...»

Миссис Ачер поняла намек мистера Ван-дер-Лайдена: к подъезду уже подали ландо хозяев, запряженное четверкой гнедых. Оставаться дольше было неудобно, поэтому она поспешно поднялась, неловко поблагодарив супружескую чету. Миссис Ван-дер-Лайден улыбнулась ей улыбкой Эсфири, но ее муж протестующе поднял руку.

«Вам не за что благодарить нас, дорогая Аделина; в самом деле, не за что! Подобные недоразумения не должны происходить в таком городе, как Нью-Йорк. И я постараюсь сделать все, от меня зависящее, чтобы этот нонсенс не вносил беспокойства в нашу жизнь».

Он произнес эту маленькую речь с достоинством императора, провожая миссис Ачер и Ньюлэнда до дверей.

Через пару часов весь Нью-Йорк облетела весть, что просторное ландо, в котором миссис Ван-дер-Лайден выезжала всегда, в любое время года, видели стоящим у дверей дома старой миссис Мингот. Был передан большой квадратный конверт; и в тот же вечер в Опере мистер Силлертон Джексон утверждал со знанием дела, что в этом конверте находилось приглашение для графини Оленской на прием, который Ван-дер-Лайдены устраивали на предстоящей неделе в честь их благородного кузена, князя Сан-Острейского.

Молодые люди, стоявшие в клубной ложе, обменялись многозначительными улыбками и посмотрели в сторону Лоренса Лефертса, беззаботно сидевшего на переднем ряду. Он теребил свои длинные золотистые усы и, когда певица замолчала, глубокомысленно изрек: «В роли сомнамбулы хороша одна лишь Пэтти! Никого другого я не признаю».

Глава восьмая

Итак, весь Нью-Йорк признал, что графиня Оленская себя скомпрометировала.

Впервые она вошла в жизнь Ньюлэнда Ачера, когда ей было всего девять или десять лет. Ей прочили блестящее будущее, и многие считали, что это прелестное дитя достойно кисти художника. Ее родители любили скитаться по белу свету, но после детства, проведенного «на колесах», она потеряла их обоих, и опеку над девочкой приняла на себя ее тетя, Медора Мэнсон, которая тоже много путешествовала, но, в конце концов, возвратилась в Нью-Йорк, где и обосновалась.

Бедная Медора, дважды овдовев, всегда возвращалась домой «зализывать раны», каждый раз покупая дом на свое имя все скромнее и скромнее. Она привозила с собой то нового мужа, то приемную дочь. Но через несколько месяцев она либо ссорилась со своим мужем, либо с дочерью. История всякий раз повторялась. Когда это случалось, Медора продавала дом по дешевке и вновь пускалась в странствия. И поскольку мать ее была урожденной Рашворд, никого не удивляло, что ее последний брак оказался неудачным. (Она вышла за одного из этих ненормальных Чиверсов). А посему Нью-Йорк снисходительно смотрел на все ее выходки. Но когда она возвратилась из Европы с маленькой осиротевшей племянницей, чьи родители были в свое время здесь популярны, несмотря на свое, достойное сожаления, пристрастие к путешествиям, люди начали жалеть малютку, попавшую в «плохие руки».

Все старались проявить заботу о маленькой Элен. Впрочем, глядя на ее смуглые розовые щечки и тугие косы, никто бы не подумал, что эта веселая девочка все еще носит траур по своим родителям. Медора нередко шла наперекор традициям, и тогда она полностью проигнорировала негласно установленные правила, которые предписывали всем овдовевшим американкам определенные нормы поведения. И когда мадам сошла на берег с теплохода, ее семейство было шокировано тем, что траурная вуаль, которую она носила по собственному брату, оказалась на семь дюймов короче, чем вуаль ее невестки. Что касается Элен, то на ней были малиновое шерстяное платье и янтарные бусы. Она выглядела совсем как цыганская девчонка.

Но никто в Нью-Йорке уже не удивлялся эксцентричным выходкам Медоры; поэтому только некоторые пожилые леди покачали головами при виде безвкусного наряда Элен, тогда как другие родственники уже давно расхваливали ее завидный цвет лица и жизнерадостность. Эта юная особа ничего не боялась и вела себя совершенно естественно и непринужденно. Она спокойно задавала вопросы, приводившие ее родственников в замешательство, и позволяла себе делать преждевременные комментарии. Девушка была пластичной, музыкальной и знала многие европейские песни и танцы. Она прекрасно исполняла испанский танец с шалью и неаполитанские серенады под гитару. Полное имя ее тети было миссис Медора Торли Чиверс. Получив некоторые привилегии от Папы Римского, она пожелала вернуть фамилию своего первого мужа и называла себя не иначе как миссис Марчионес Мэнсон (в Италии она могла легко переделать ее в Манзони).

Тетушка позаботилась о том, чтобы Элен получила кое-какое образование. Платили за него втридорога, но все, чему удалось научиться девочке, это рисовать с натуры (впрочем, раньше она об этом даже не мечтала) и играть в квартетах с профессиональными музыкантами.

Конечно, ничего хорошего из этого не вышло. И когда несколькими годами позже бедняга Чиверс скончался в сумасшедшем доме, его вдова (облаченная в странные одежды, весьма отдаленно напоминавшие траурные) вновь «снялась с якоря» и отбыла в Америку вместе с Элен, превратившейся в красивую, высокую девушку с блестящими глазами. Какое-то время после этого о них никто ничего не слышал. Затем все были поставлены в известность, что Элен стала женой сказочно богатого польского аристократа, о котором ходили разные толки.

Она познакомилась с ним на балу в Тюильри. Поговаривали, что ему принадлежали большой особняк в Париже, вилла в Ницце, дом во Флоренции и яхта, стоявшая на приколе в Коузе. Помимо всего этого, он владел обширными охотничьими угодьями в Трансильвании. Элен умчалась на крыльях ветра, и когда, несколько лет спустя, Медора, похоронив третьего мужа, вновь возвратилась в Нью-Йорк в подавленном состоянии и порядком обнищавшая, люди недоумевали, почему ее богатая племянница ничего не сделала для нее, поселившейся в какой-то жалкой конуре. Но вскоре всем стало известно, что брак самой Элен развалился, и, более того, случилось несчастье. Опозоренная девушка возвращалась домой, чтобы найти пристанище и забвение у своих родных.

Обо всем этом Ньюлэнд Ачер думал неделю спустя, в тот самый вечер, когда приглашенные собирались на прием в честь князя. Ньюлэнд наблюдал за торжественным появлением графини Оленской в гостиной Ван-дер-Лайденов. Этот прием был знаменательным событием, и молодой человек слегка волновался, не зная, как она поведет себя в подобной ситуации. Элен немного опоздала. Одна рука ее все еще была в перчатке, и ею молодая женщина пыталась застегнуть браслет на другой руке. Но в гостиную, в которой собиралось избранное общество Нью-Йорка, она вошла неторопливо, без легкой тени смущения на лице.

В центре комнаты она задержалась, осматриваясь, и улыбаясь всем одними глазами. Губы ее были плотно сжаты. В то же мгновение Ньюлэнд Ачер вынес ей окончательный приговор. От ее бывшего сияния и свежести не осталось и следа. Румянец давно сошел с некогда цветущих щек. Она была, пожалуй, слишком худой, измученной и выглядела старше своих лет (ей уже, должно быть, исполнилось тридцать).

И все же она обладала какой-то непонятной властью. То была власть красоты, оставившей на всем свою печать; она проявлялась в горделивой посадке головы, движении глаз, – не театральном, наигранном, но совершенно непринужденном. В этих задумчивых глазах светилась живая мысль. Ачер был поражен, заглянув в них. Они были необычайно выразительными.

В то же время графиня держалась раскованнее, чем большинство из присутствовавших дам; она немного разочаровала общество (судя по словам Дженни) тем, что оделась так просто, не отдав дань тогдашней моде. А ведь именно стильность и ценили более всего в Нью-Йорке. Все это потому, думал Ачер, что она уже не та, прежняя, живая Элен. Теперь, ее движения были замедленными, а низкий голос – слишком тихим. Она вся была такая тихая, не от мира сего. Нью-Йорк ожидал от дамы с прошлым более эксцентричного поведения.

Гостей ожидал роскошный стол. Обед у Ван-дер-Лайденов всегда считался церемонией особой, а поскольку на сей раз на нем присутствовал князь, их кузен, сама трапеза превратилась в некое священнодействие, напоминавшее церковный ритуал. Ачер не без удовлетворения отметил про себя, что только коренному нью-йоркцу было понятно различие между обыкновенным князем и князем Ван-дер-Лайденов. Нью-Йорк принимал аристократов «со стороны» сдержанно и, можно даже сказать, с нарочитой надменностью (одни лишь Стаферсы этим не грешили); но когда гости имели такие родственные связи, как у князя, их встречали радушно, как в добрые старые времена, так что они допустили бы великую ошибку, если бы предпочли остановиться в каком-нибудь уединенном отеле, вроде «Debrett» (в нем останавливались такие высокопоставленные особы, что любой молодой шутник, который не прочь был бы посмеяться над своим старым городом, смотрел на него с благоговейным трепетом).

Ван-дер-Лайдены сделали все, от них зависящее, чтобы подчеркнуть важность этого события. Были выставлены награда Дюка Севре времен Георга II Тревеннского, кубок Ван-дер-Лайдена, подаренный ему как участнику Восточно-Индийской кампании, и приз Дедженита, выигранный последним на дерби. Миссис Ван-дер-Лайден выглядела даже эффектнее, чем на портрете работы Кабанеля, а миссис Ачер, в жемчугах и изумрудах, доставшихся ей по наследству от бабушки, напомнила Ньюлэнду даму с миниатюры Исабэ. Все леди надели свои лучшие украшения, но поскольку прием этот был особенно торжественным и проходил

в одном из лучших домов Нью-Йорка, чтившем старые традиции, почти все эти украшения были выполнены старинными мастерами. А на престарелой мисс Ланнингс (одну из старушке все-таки удалось уговорить прийти на прием) была надета светлая испанская мантилья. Она же с гордостью демонстрировала всем камеи своей матери.

Графиня Оленская была единственной молодой женщиной из числа приглашенных. Но когда Ачер бросил взгляд на полные лица дам в возрасте, увешанных алмазными ожерельями с пышными султанами из страусовых перьев в волосах, ему показалось, что они моложе, чем Элен. Ему страшно было представить, чего насмотрелись эти глаза, и что ей довелось пережить.

Князь Сан-Острейский, сидевший по правую руку от хозяйки, само собой разумеется, являлся героем дня. Но если графиня Оленская не так приковывала к себе внимание, как ожидалось, то главная фигура, ради которой все и затевалось, и вовсе затерялась среди приглашенных. Будучи благовоспитанным человеком (как и графиня), князь не позволил себе явиться на прием в охотничьем костюме, тем не менее, одежда на нем была поношенной и мешковатой, и носил он ее так небрежно (когда садился – сильно сутулился, закрывая чуть ли не всю манишку своей лопатообразной бородой), что можно было усомниться в том, что он наряжался к обеду. Это был низенький, широкоплечий, загорелый мужчина с мясистым носом, маленькими глазками и приятной улыбкой. Но говорил он редко. Когда он начинал бубнить себе что-то под нос, голос его звучал тихо, и несмотря на то, что гости старались делать частые паузы в надежде, что он когда-нибудь раскроет рот, его реплики не слышал никто, за исключением его соседей по столу.

Когда после обеда мужчины присоединились к дамам, князь сразу же направился к графине Оленской. Они уселись вдвоем в уголке и между ними почти тотчас же завязалась оживленная беседа. Казалось, князю было невдомек, что первым делом ему надлежало обменяться любезностями с миссис Ловелл Мингот и миссис Хедли Чиверс; а графине пришлось прервать разговор с дружелюбно настроенным ипохондриком, мистером Урбаном Деджитом с площади Вашингтона, который, ради того, чтобы с ней познакомиться, нарушил свое золотое правило не выезжать с января по апрель.

Князь с графиней непринужденно болтали не меньше двадцати минут. Потом графиня поднялась и, пройдя через всю гостиную, села рядом с Ньюлэндом Ачером.

Нью-Йорк не припомнил случая, чтобы леди вот так, запросто оставляла одного джентльмена ради того, чтобы пообщаться с другим. Правила этикета требовали, чтобы дама сидела неподвижно (как идол) и ждала, пока джентльмен, желающий переговорить с ней, не подойдет и не сядет рядом. Но графиня, судя по всему, и не подозревала, что нарушает правила этикета. Она с непринужденной грацией сидела на софе в углу, рядом с Ачером, и смотрела на него добрыми глазами.

«Давайте с вами поговорим о Мэй», – предложила она.

Вместо ответа он спросил ее:

«Вы были знакомы с князем раньше?»

«О, да! Мы почти каждую зиму встречались с ним в Ницце. Он – настоящий бретер, этот князь! Его частенько видели в игорном доме». Она говорила это так просто и естественно, как если бы речь шла о том, что князь без ума от полевых цветов. После короткой паузы она добавила: «Такого зануды, как этот князь, мне еще не приходилось встречать!»

Это настолько воодушевило ее собеседника, что он позабыл о том, как она шокировала его в начале разговора. Это замечательно, что рядом с ним сидит молодая женщина, считающая князя Ван-дер-Лайденов скучнейшим человеком и отважно высказывающая свое мнение вслух.

Ему не терпелось расспросить ее о той жизни, которую она вела раньше. Он мог судить о ней лишь по беззаботным словам графини, сказанным ранее. Тогда она всего лишь приоткрыла завесу, а он боялся будоражить ее своими вопросами, поскольку воспоминания были не из

приятных. Но прежде, чем он успел открыть рот, чтобы, в конце концов, поговорить с ней начистоту, она вернулась к интересовавшему ее предмету разговора.

«Мэй просто замечательная, не правда ли? Ни одна девушка в Нью-Йорке не сможет затмить ее ни красотой, ни умом. Вы очень ее любите?»

Ньюлэнд Ачер покраснел и рассмеялся: «Мужчина не может любить сильнее!»

Графиня продолжала в задумчивости разглядывать его. Казалось, она боялась упустить нечто важное из их разговора.

«Не думаете ли вы, что все же есть какой-то... предел?»

«Моему чувству? Если он и есть, то я его не вижу!» – насмешливо ответил молодой человек.

Она взглянула на него с возрастающей симпатией и покраснела.

«О, так у вас настоящий роман?» – живо спросила она.

«Самый романтичный из всех романов!»

«Как чудесно! Так значит, вы сами нашли друг друга? Я думала, что вас сосватали!»

Ачер окинул ее слегка презрительным взглядом.

«Не забывайте, – сказал он с тонкой улыбкой, – что в нашей стране все знакомятся сами!»

Яркий румянец залил ее щеки, и Ачер вдруг устыдился своих слов.

«Да, – ответила она, – я и забыла. Вы должны простить мне, если я временами допускаю кое-какие ошибки. Я не всегда помню, что здесь все хорошо по сравнению... по сравнению с теми местами, откуда я прибыла».

Она опустила глаза и стала рассматривать свой венецианский веер из орлиных перьев, лежавший у нее на коленях. Ачер заметил, как дрогнули ее губы.

«Мне так жаль! – воскликнул он импульсивно. – Но... не забывайте, что здесь вы среди друзей!»

«О, я знаю, знаю! Куда бы я ни направлялась, меня не покидает это ощущение. Потому-то я и вернулась домой. Я хочу перечеркнуть прошлое и снова стать настоящей американкой как Минготы, и Велланды, и вы с вашей замечательной матушкой, и все те люди, с которыми мы встретились сегодня. А вот и Мэй! Что ж, летите к ней на крыльях ветра, встречайте!» – добавила она, но сама осталась неподвижно сидеть на кушетке. Оторвав взгляд от двери, она снова воззрилась на молодого человека. Гостиные начали заполняться новоприбывшими гостями, и Ачер, взглянув туда, куда до этого смотрела мадам Оленская, увидел Мэй Велланд, вошедшую в комнату вместе со своей матерью. В белом с серебристой вышивкой платье, с посеребренной веточкой в волосах статная девушка напоминала Диану, только что возвратившуюся с охоты.

«О, – прошептал Ачер, – у меня столько соперников! Смотрите, они уже ее окружили! А вот и князя ей представили!»

«Тогда побудьте со мною еще чуть-чуть», – тихо прошептала мадам Оленская, слегка касаясь его колена своим пышным веером. Прикосновение это было едва ощутимым, но он воспринял его, как ласку, и слегка вздрогнул.

«Да, пожалуй, мне лучше остаться», – пробормотал он так же тихо, не слыша звука собственного голоса. Но в тот момент появился мистер Ван-дер-Лайден в сопровождении старого мистера Урбана Дедженита. Мадам Оленская приветствовала их сдержанной улыбкой, и Ачер, чувствуя на себе взгляд хозяина, поднялся, освобождая ему место возле графини.

Мадам Оленская протянула ему руку на прощание, словно уже настало время расставаться, и сказала:

«Завтра, после пяти, буду ждать вас у себя!»

С этими словами она поднялась и вышла, освободив место для мистера Дедженита.

«Завтра...» – машинально повторил Ачер. Странно, но ведь они не условились о предстоящей встрече заранее; более того, во время разговора графиня и словом не обмолвилась о том, что хочет его видеть.

В дверях он столкнулся с Лоренсом Лефертсом, высоким и интересным, прибывшим вместе со своей супругой, которую хотел представить собравшимся. Ачер слышал, как Гертруда, улыбнувшись графине своей широкой, добродушной улыбкой, заметила:

«Но мне кажется, мы с вами вместе брали уроки танцев, когда еще были детьми...»

За спиной мадам Оленской толпились пары, отказавшиеся прибыть на прием в ее честь к миссис Ловелл Мингот. Теперь они униженно ждали своей очереди быть ей представленными. Как сказала миссис Ачер: «Когда Ван-дер-Лайдены пожелают, они знают, как преподать урок!»

К сожалению, это случалось не так уж часто!

Молодой человек ощутил, как его слегка тронули за руку, и увидел миссис Ван-дер-Лайден, смотревшую на него сверху вниз. На фоне черного бархатного платья, как звезды в ночи, горели крупные алмазы – фамильные драгоценности.

«Как мило, Ньюлэнд, что вы столько времени провели в обществе мадам Оленской! Я даже попросила вашего кузена Генри прийти к вам на выручку».

Ачер рассеянно улыбнулся, и она добавила, стараясь подбодрить его, так как считала его от природы застенчивым:

«Мэй просто расцвела! Князь считает, что она – самая красивая девушка в этой комнате».

Глава девятая

Графиня Оленская сказала: «после пяти». Ровно в половине шестого Ньюлэнд Ачер позвонил в дверной колокольчик дома, покрытого потрескавшейся, как старые фрески, штукатуркой. Маленький балкон с затейливой чугунной решеткой был весь увит глицинией. Графиня купила этот небольшой домик у Медоры, которая вновь отправилась в странствие. Он находился на Двадцать третьей улице, в одном из отдаленных районов Нью-Йорка в западной его части.

Поселиться в таком странном месте? Зачем? По соседству с ней жили портнихи, птицеводы и пишущая братия. Пройдя дальше по этой замызанной улице, Ачер увидел полуразрушенное деревянное строение, стоявшее в глубине тротуара, в котором ютился писатель и журналист по имени Винсент, – Ньюлэнд время от времени встречался с ним в клубе. Винсент не приглашал к себе, но как-то раз, когда они вместе с Ачером бродили по ночному городу, он показал ему свой дом и, когда они миновали его, спросил, пожившись при этом, живут ли в таких дырах человеческие существа в других столицах.

Дом, который принадлежал теперь мадам Оленской, немногим отличался по своему внешнему виду от того строения, – разве что с оконных рам его еще не успела сойти краска. И когда Ачер осматривал жалкий фасад, он подумал, что польский граф разрушил не только будущее этой девушки, но и ее иллюзии.

Молодой человек неудачно провел день. Обедал он у Велландов в надежде, что потом ему позволят увести Мэй на прогулку в парк. Он хотел всецело завладеть ее вниманием, сказать, как очаровательна она была накануне вечером, и как он гордится ею, и... поторопить со свадьбой. Но миссис Велланд решительно запротестовала, напомнив ему, что они нанесли визиты меньше чем половине родственников; когда же он намекнул на то, что неплохо было бы назначить день бракосочетания, она приподняла свои строгие брови и многозначительно вздохнула: «Двенадцать дюжин всякой всячины в приданое... Вышивка ручной работы!»

Втиснувшись в семейное ландо, они объезжали родных Мэй, останавливаясь то у одного подъезда, то у другого. В полдень, когда этот «круг почета» был завершен, Ачер расстался со своей возлюбленной. Молодого человека не покидало ощущение, что его показывали, как трофей, как дикое животное, попавшееся в сети ловкого охотника. Он полагал, что это чтение учебника антропологии навевало ему столь странные образы: все это было вполне естественным проявлением родственного чувства со стороны людей, с которыми ему предстояло связать свою судьбу. Но когда он вспомнил, что Велланды отложили свадьбу до осени, и подумал, каким сплошным кошмаром будет его жизнь до тех пор, пока они с Мэй не поженятся, настроение его окончательно испортилось.

«А завтра, – крикнула ему вдогонку миссис Велланд, – мы посетим Далласов и Демпсинов!»

Тут молодого человека осенило, что они объезжают всех по списку, составленному миссис Велланд в алфавитном порядке, и что они находятся в самом его начале.

Он решил ничего не говорить о просьбе (правильнее было бы сказать приказании!) графини Оленской навестить ее в этот день. Но в те быстротечные минуты, когда они с Мэй оставались наедине, он несколько раз порывался это сделать, и не сделал. Не стоит об этом даже упоминать, думал он. Мэй определенно хочет, чтобы он был особенно внимателен с ее кузиной. Ведь именно это ее желание побудило их раньше назначенного срока объявить о помолвке. Ачера посетила странная мысль, что если бы не прибытие графини, он, скорее всего, так бы и остался если не холостяком, то, по крайней мере, свободным человеком. Но Мэй так этого хотелось, что он (как ни странно, с некоторым облегчением) чувствовал себя обязанным и в

дальнейшем оказывать всяческую поддержку графине. В то же время, он считал вполне допустимым, наносить графине визиты без ведома своей невесты.

Когда он стоял у дверей дома мадам Оленской, любопытство победило в нем все остальные чувства. Его озадачил повелительный тон, которым она высказала свою настойчивую просьбу. Он пришел к выводу, что эта женщина только производит впечатление простой и наивной, но на самом деле таковой не является.

Двери отворила смуглая служанка, судя по всему, иностранка. Ачер почему-то решил, что она с Сицилии, глядя на ее цветастую шаль, которой она прикрывала пышную грудь. Она поприветствовала его своей белозубой улыбкой и, отвечая на все вопросы отрицательным покачиванием головы, из чего следовало, что она не понимает ни слова, провела его через маленький холл в гостиную с зажженным камином. В комнате никого не было, и служанка оставила его в ней надолго одного гадать, отправилась ли она доложить своей хозяйке о его приходе, или вообще не поняла, зачем он здесь. Он подумал, что неплохо было бы подвести стрелки часов в доме. По крайней мере часы, висевшие в гостиной, чудовищно отставали. Ачер слышал, что в южных странах люди общаются между собой большей частью на языке мимики и жеста. И он ломал себе голову над тем, какой смысл вкладывала эта служанка в свои улыбки, и что она хотела сказать ему, когда пожимала своими круглыми плечами. Он был подавлен тем, что совершенно ничего не понимал. Наконец она вернулась, держа в руке лампу. К тому времени Ачер уже успел сложить из итальянских слов, почерпнутых из бессмертных произведений Данте и Петрарки, вполне законченную фразу. В ответ он услышал:

«*La signora e fiori; ma verra subito*»; и решил, что это означает: «Синьоры нет дома, но она скоро будет».

То, что предстало его взору при тусклом свете лампы, было совершенно не похоже на те интерьеры гостиных, которые он привык видеть. Он был наслышан о том, что графиня Оленская привезла с собой часть своей домашней коллекции. Все, что ей удалось вывезти, она называла «обломками кораблекрушения». К ним причислялись: изящный столик из черного дерева, греческая бронзовая статуэтка (само очарование!), и красный персидский ковер, прибитый гвоздями к стене, оклеенной выцветшими обоями. По обе стороны от него висели две итальянские картины в старинных рамах.

Ньюлэнд Ачер гордился своими познаниями в области итальянского искусства. Еще в детстве он зачитывался Раскиным и перечитал почти все книги Джона Эддингтона, Симонда, «Эйфорию» Вернона Ли, эссе П. Г. Гамертона и замечательный трактат Вальтера Патера «Ренессанс». Он мог часами говорить о творчестве Боттичелли, и вскользь – о работах Фра Анджелико.

Но эти картины были для него загадкой, ибо не походили ни на одно из полотен, которые ему довелось увидеть во время путешествия по Италии. Возможно, такому восприятию способствовала непривычная обстановка, в которой он находился. Он был один, не считая служанки, в этом странном пустом доме, где никто, по-видимому, его не ждал. Он уже начал сожалеть о том, что так и не сказал Мэй Велланд о приглашении, которое получил от графини Оленской. А что, если его невеста решит провести свою кухню? Что она подумала бы, увидев его сидящим в интимном полумраке у домашнего очага другой женщины?

Но раз уж он пришел, то нужно ждать. Ачер поглубже уселся в кресло и вытянул ноги поближе к огню.

В высшей степени странно: приглашает человека таким повелительным тоном и забывает о том, что сама назначила встречу! Если бы Ачера не одолевало любопытство, он был бы, пожалуй, уязвлен. Но сама атмосфера, царившая в этой комнате, была настолько необычайной, что в нем проснулся дух авантюризма; ему хотелось узнать, что произойдет дальше, и когда на фоне этих декораций начнет разворачиваться действие. Ему и раньше приходилось бывать в гостиных с персидскими коврами и итальянскими картинами на стенах; но его пора-

зило то, что обшарпанный дом Медоры Мэнсон, с жалким палисадничком за окнами, засеянным пампасовой травой, и статуэтками пастушек на каминной полке, одним мановением руки был преобразен в такое вот уютное гнездышко (с иностранным налетом). Потребовалось лишь со вкусом подобрать несколько предметов обстановки и разместить их так, чтобы в комнате создалась романтическая и даже сентиментальная атмосфера. Ачер силился понять, в чем тут секрет, и находил разгадку этой тайны в особом расположении стульев и столов; в том, что в высокой вазе, стоявшей на столике, рядом с его локтем, красовалось всего две красных розы (а не дюжина, как это было принято здесь, в Нью-Йорке); в слабом аромате, не духов, которыми стремятся надушить носовые платки, а той сладкой смеси запахов, что витает над восточными базарами (в ней можно было различить запах турецкого кофе, амбры и засушенных роз).

Ачер задался вопросом, как бы Мэй Велланд украсила свою гостиную. Он знал, что мистер Велланд, во всем стремившийся находить красоту, уже успел присмотреть для них недавно выстроенный дом на Тридцать девятой улице в восточном районе города. Поблизости практически не было других домов, что позволило строителям «развернуться» и возвести особняк из светлого желто-зеленого камня, который молодые архитекторы начали использовать в знак протеста против преобладания в нью-йоркских застройках коричневого камня, напоминавшего замороженный шоколадный соус.

Что касается Ачера, то он с удовольствием отложил бы решение жилищного вопроса: ему хотелось попутешествовать вдвоем с Мэй. Но хотя Велланды и одобрили идею продолжительного свадебного путешествия (почему бы не растянуть «медовый месяц» на полгода? Можно было бы даже провести всю зиму в Египте...), все же они были тверды в своем намерении подготовить «уютное гнездышко» к возвращению молодых. Ачер чувствовал, что его судьба уже предрешена: всю оставшуюся часть своей жизни он будет подниматься по желтовато-зеленой каменной лестнице, держась за чугунные перила; потом он будет проходить роскошный вестибюль и попадать в холл, обитый лакированными деревянными панелями. Но на пороге холла его воображение замирало. Ему не хватало фантазии, чтобы представить себе, как Мэй обставит гостиную наверху, хотя он предполагал, что из ее окон будет виден залив.

Похоже, сама Мэй склонялась к тому, чтобы обставить гостиную также, как это сделали ее родители: то есть обить стены пурпурным и желтым сатином, расставить мебель стиля «буль» и позолоченные горки с фарфоровыми сервизами. Он и не ожидал, что Мэй захочет как-нибудь иначе украсить свой дом; он лишь надеялся, что она позволит ему обставить библиотеку по собственному усмотрению, – пожалуй, он предпочел бы настоящую истлейкскую мебель и простые книжные полки без стеклянных дверок.

Пышногрудая служанка снова вошла в гостиную, задернула занавески на окнах, подложила в камин дров и бодро сказала: «Verra-verra».

Когда она удалилась, Ачер поднялся и начал ходить туда-сюда по комнате. Стоит ли ему ждать дольше? И как это его угораздило попасть в такое дурацкое положение? А что если он не так понял графиню Оленскую? Может, она и не собиралась его приглашать?

Но вот раздался цокот копыт по булыжной мостовой, и вскоре у дверей дома остановился экипаж; Ачер слышал, как кто-то открыл дверцу. Раздвинув занавески, он выглянул на улицу, над которой уже опустились голубые сумерки. Ему в лицо ударил свет уличного фонаря, и он увидел английскую двухместную карету, запряженную чалой лошадей. Она принадлежала Джулиусу Бьюфорту. Сам банкир вышел из нее и помог спуститься мадам Оленской. Бьюфорт стоял, держа шляпу в руке, и что-то быстро говорил графине. Молодому человеку показалось, что мадам Оленская ответила ему отрицательно. Они обменялись рукопожатием, и Бьюфорт снова уселся в карету, а мадам Оленская стала подниматься по ступенькам.

Войдя в гостиную, она нисколько не удивилась, увидев в ней Ачера. Казалось, она вообще уже ничему не удивлялась.

«Ну и как вам понравился мой странный дом? – спросила она. – Я здесь – как в раю».

Говоря все это, она сняла свою бархатную шапочку и, небрежно бросив ее вместе со своим длинным плащом в сторону, посмотрела на молодого человека задумчивыми глазами.

«Вы обставили его просто превосходно», – сказал он и остался весьма недоволен своим банальным ответом. Он почувствовал себя связанным по рукам и ногам собственным желанием говорить как можно проще и доступнее.

«О, это всего лишь жалкая конура! Мои родственники в ужасе бежали отсюда. Но в любом случае здесь не так тоскливо, как у Ван-дер-Лайденов».

Ачер стоял, как громом пораженный, ибо не нашелся еще человек, отважившийся сказать, что дома у Ван-дер-Лайденов тоскливо. Те немногие привилегированные особы, которые удостоивались чести быть приглашенными к высокой чете, испытывали благоговейный трепет, входя в заветный дом, и неизменно находили его «восхитительным»! Но он почему-то был рад, что Элен не разделяла всеобщие страсти по дому Ван-дер-Лайденов.

«Вы все подобрали с таким вкусом», – добавил он.

«Люблю маленькие дома, – заявила она. – Но больше всего мне нравится быть дома, в родной стране и в моем родном городе. А еще я люблю одиночество...»

Говорила она так тихо, что Ачер с трудом уловил смысл ее последней фразы; и он по своему понял ее.

«Вам так нравится жить одной?»

«Да; но только в том случае, если мои друзья не дают мне чувствовать себя одинокой». Она устроилась в кресле рядом с камином и сказала:

«Настасья сейчас принесет нам чай», – и, пригласив его снова занять кресло, в котором он сидел до того, как она вошла, добавила: «Как я погляжу, вы успели облюбовать себе этот уголок...»

Откинувшись на спинку кресла, она положила руки под голову и смотрела на пламя в камине из-под полуопущенных век.

«Эти вечерние часы я люблю больше всего, а вы?»

Он ответил с достоинством:

«Боюсь, что вы забыли, который сейчас час. Должно быть, в обществе Бьюфорта вы потеряли счет времени!»

Она с изумлением взглянула на него.

«Неужели я заставила вас долго ждать? Мистер Бьюфорт показывал мне несколько домов, так как, судя по всему, в этом никто не позволит мне задержаться...»

Потом она вдруг словно позабыла и о Бьюфорте, и о нем самом, и направила разговор в иное русло.

«Люди, живущие в других городах, не так настроены против того, чтобы их друзья или родственники селились в эксцентричных кварталах. Но какая разница, где жить? Мне говорили, что здесь обосновалась вполне приличная публика».

«Да, но район не престижный!»

«Престижный! Вас всех волнует престиж, а на моде вы просто помешаны. Но стоит ли гоняться за модой, когда можно самим ее создавать? Но... должно быть, я слишком долго жила независимо; теперь мне хочется делать то же самое, что и вы все. Я хочу быть в безопасности и чувствовать, что обо мне заботятся».

Он был тронут, как и накануне вечером, когда она заговорила о том, что нуждается в защите.

«Ваши друзья хотят, чтобы вы чувствовали себя за ними, как за каменной стеной. Нью-Йорк – абсолютно безопасное место», – добавил он, и в его голосе прозвучали иронические нотки.

«О, в самом деле? Все так говорят! – воскликнула она, пропуская мимо ушей скрытую насмешку. – Быть здесь – все равно, что отдыхать на каникулах после успешно сданной сессии».

Аналогия была достаточно хорошо продумана, но она не пришлась по душе Ньюлэнду. Он мог позволить себе с сарказмом говорить о Нью-Йорке, но ему не нравилось, когда другие принимались вторить ему, при этом толком не зная нью-йоркской жизни. Интересно, осознает ли она, что за мощный механизм – этот город? А ведь нью-йоркская машина почти сокрушила эту хрупкую молодую женщину! Обед у Минготов, который чуть было не сорвался по причине социальных предрассудков, должен был кое-чему научить графиню. Разве птичка еще не поняла, что попала в другую клетку? Неужели она не почувствовала, что они, Ачеры, вызволили ее из беды, или ее совсем ослепил триумф на приеме у Ван-дер-Лайденов? Ачер был склонен думать, что так оно на самом деле и было. Он вдруг осознал, что в ее представлении нью-йоркское общество однородно; догадка эта потрясла его.

«Вчера вечером, – сказал он, – весь Нью-Йорк был у ваших ног. И Ван-дер-Лайдены ничего не могли с этим поделать!»

«Ну что вы! Они все – такие милые! Вечер удался на славу! И, похоже, эти Ван-дер-Лайдены – важные персоны».

Определение было не вполне адекватно. В том же духе она могла рассказывать о чаепитии у старушек Ланнингс.

«Ван-дер-Лайдены, – начал Ачер несколько напыщенно, – представители самого влиятельного рода Нью-Йорка. К сожалению, здоровье у миссис Ван-дер-Лайден оставляет желать лучшего, а поэтому принимают они крайне редко».

Она опустила руки на колени и все так же задумчиво посмотрела на него.

«Так в этом и есть их секрет?»

«Какой секрет?»

«Секрет их неограниченного влияния. Оказывается, они претворили в жизнь старый принцип: „Разделяй и властвуй“, и спокойно правят доброй половиной Нью-Йорка из своего заточения!»

Ачер покраснел немного и растерянно уставился на нее. Он вдруг почувствовал, что удар достиг цели. Она дунула на карточный домик Ван-дер-Лайденов, и он тут же рассыпался. Эта мысль позабавила его и он, засмеявшись, без колебаний отдал на откуп Ван-дер-Лайденов.

Настасья принесла чай в японских чашках без ручек и неглубокие тарелки, накрытые сверху салфетками. Поднос она поставила на невысокий столик.

«Но объясните мне все тонкости, – все, что я должна знать об этом обществе, – продолжала графиня Оленская, подавшись вперед, чтобы передать ему чашку. – Да, да, именно вы и откроете мне глаза на все те вещи, которые я до сих пор не замечала».

Она раскрыла миниатюрный золотой портсигар и вытащила из него сигаретку. В камине лежала длинная лучина, с помощью которой она закурила ее.

«Мы с вами вполне могли бы помогать друг другу. Только мне ваша помощь нужна куда больше! Вы всегда говорите мне, что следует делать».

С его языка уже готово было сорваться предупреждение: «Не разъезжайте по улицам в карете Бьюфорта,» – но он уже настолько глубоко окунулся в атмосферу этой гостиной, что понял: это ни к чему не приведет. С равным успехом можно было советовать коммерсанту, заключающему договор о поставке роз из Самарканда, продавать в Нью-Йорке зимнюю обувь. Нью-Йорк и Самарканд – на разных концах планеты, и если они с Элен и в самом деле решат оказывать друг другу поддержку, то она должна, прежде всего, помочь ему дать объективную оценку всему происходящему в его родном городе. Если перевернуть телескоп и заглянуть в него не с того конца, – этот город покажется таким крошечным и далеким. Но если изучать его из Самарканда по всем оптическим правилам, то многое можно разглядеть.

В камине полыхали дрова, и графиня, наклонившись над огнем, вытянула свои руки, почти касаясь тонкими пальцами с овальными ногтями языков пламени. Огонь осветил ее тем-

ные локоны, выбившиеся из прически, и Ачеру показалось, что ее лицо при этом неровном свете выглядит бледнее, чем на самом деле.

«Здесь у вас будет множество других советчиков», – заметил Ачер, почему-то начиная завидовать им.

«Вы имеете в виду моих тетушек? Или мою старенькую бабушку? – она старалась рассмотреть все возможности... – Они все немного обижены на меня за то, что я поселилась тут одна, – особенно, моя бедная бабушка! Она так хотела, чтобы я все время жила только с ней! Но мне нужна была свобода...»

Ачеру понравились те простота и теплота, с которыми она говорила о грозной Кэтрин. Он знал, почему Элен так жаждала одиночества, и сочувствовал ей. Но мысль о Бьюфорте продолжала беспокоить его.

«Я догадываюсь, какие чувства владеют вами, – молвил он. – Но все-таки, ваши родные могли бы давать вам советы, рассказывать о местных традициях, помочь вам выбрать свой путь, в конце концов».

Графиня приподняла тонкие черные брови.

«А что, Нью-Йорк и в самом деле напоминает лабиринт? А я-то думала, что все улицы в нем прямые, как Пятая Авеню, и все переулки пронумерованы!»

Она почувствовала его неодобрение и добавила с тонкой улыбкой, от которой все ее лицо сразу преобразилось:

«Если б вы знали, как мне нравится смотреть на эти прямые авеню и улицы, взбирающиеся на вершину холма и сразу же сбегаящие с него вниз. И я в восторге от того, что здесь буквально на всем стоят этикетки!»

Он ухватился за эту мысль и подумал: «К сожалению, такие этикетки не ставятся на людях!»

«Возможно, я все упрощаю, но вы не стесняйтесь и предупреждайте меня, если я что-то делаю не так!» Она повернулась в его сторону и посмотрела на него.

«Здесь есть только двое людей, которые, как мне кажется, понимают меня и в состоянии все разъяснить. Это вы и мистер Бьюфорт.»

Ачер вздрогнул, когда она произнесла это имя; но потом он постарался взглянуть на вещи ее глазами и, поняв, что она имела в виду, проникся к ней жалостью и симпатией. Зло причинило ей столько горя, что она до сих пор не могла надышаться воздухом свободы.

Но стоило Ачеру начать сопереживать ей, как ему снова захотелось вывести Бьюфорта на чистую воду, – как ни противно было это делать.

Он ответил мягко: «Я понимаю вас. Но хотя бы на первых порах не отвергайте помощь своих старых друзей. Я говорю о пожилых дамах – вашей бабушке, Кэтрин Мингот, миссис Велланд, миссис Ван-дер-Лайден. Они любят вас и восхищаются вами и очень хотят помочь».

Она покачала головой и вздохнула: «Да, я знаю, знаю! Но они не любят, когда говорят то, что им не по вкусу. Тетя Велланд так прямо и заявила, когда я пыталась... Неужели никто не хочет знать правду, мистер Ачер? Жить среди людей, пусть даже и любезных, но которые все время варятся в собственном соку и затыкают тебе рот всякий раз, когда ты захочешь поставить их перед фактом, – все равно, что жить в пустыне».

Она вдруг закрыла лицо руками, и он увидел, как вздрагивают от рыданий ее худенькие плечи.

«Мадам Оленская! Ну, Элен, не надо так!» – воскликнул Ачер, вскакивая и склоняясь над ней.

Взяв ее руку, он начал гладить ее, как гладят маленьких детей, когда их нужно успокоить. Он шептал ей слова утешения. Но почти сразу же она освободилась и взглянула на него из-под влажных ресниц.

«Должно быть, здесь не принято плакать? Да, в этом счастливом городе, наверное, ни у кого нет причин, чтобы плакать!» – воскликнула она с коротким смешком, поправляя выбившиеся из прически пряди волос и склоняясь над чайником.

До него только что дошло, что он назвал графиню просто по имени, причем дважды. А она как будто этого и не заметила. В свой «телескоп» он увидел крохотную фигурку Мэй Велланд в белом – в Нью-Йорке...

Внезапно в дверях показалась голова Настасьи, и она что-то быстро сказала на своем превосходном итальянском.

Мадам Оленская издала удивленный возглас и, крикнув Настасье «*Gia-gia*», (*джиа-джиа*) снова принялась поправлять прическу. А в гостиную уже входил князь Сан-Острейский в сопровождении полной, розовощекой дамы в высоком черном парике и роскошном меховом манто.

«Дорогая графиня, я хочу представить вам свою давнишнюю знакомую, миссис Страферс. На прием ее не пригласили, а она мечтает познакомиться с вами!»

Князь мило улыбнулся, и мадам Оленская поднялась навстречу новым гостям, пролепетав слова приветствия. Казалось, она не понимала, что перед ней в высшей степени странная пара, а князь, скорее всего, не отдавал себе отчета в том, что поступил опрометчиво, явившись в дом графини без приглашения и, более того, приведя к ней свою знакомую.

«Горю желанием с вами познакомиться, дорогая!» – воскликнула миссис Страферс. Говорила она громко, и тембр ее голоса был вполне под стать султану из пышных перьев и высокому парикю.

«Я хочу быть знакома со всеми, кто молод, интересен и обаятелен. Князь говорил, что вы без ума от музыки. Вы и сами музицируете, не так ли? Кстати, хотите послушать игру Джохима завтра вечером в моем доме? А знаете, я устраиваю нечто вроде салона по воскресеньям, когда Нью-Йорк не знает, чем себя занять! Так что я принимаю гостей и говорю им: „Развлекайтесь, друзья!“ Князь уверен, что Джохим вас очарует. К тому же, у меня вы непременно встретите своих знакомых».

Лицо мадам Оленской засияло от восторга.

«Как мило! Спасибо, князь, что вспомнили обо мне!»

Она пододвинула кресло к чайному столику, и миссис Страферс с удовольствием в нем расположилась.

«Я буду счастлива побывать у вас!»

«Вот и отлично, дорогая! И прихватите с собой своего молодого человека! – миссис Страферс небрежно махнула рукой в сторону Ачера. – Что-то не припоминаю вашего имени, но мы с вами определенно где-то встречались! Я со всеми пересекаюсь либо здесь, либо в Париже, либо в Лондоне. Вы, часом, не в дипломатическом корпусе? Вокруг меня вечно крутятся одни дипломаты! Вы тоже любите слушать музыку? Князь, непременно возьмите его с собой!»

Князь отозвался: «Ну, разумеется!» из глубины своей бороды, и Ачер поспешил откланяться. Он поклонился с неуклюжестью школьника, стоящего среди беззаботных и не обращающих на него ни малейшего внимания взрослых.

Впрочем, он несколько не сожалел о том, что все так обернулось. Он желал лишь одного: чтобы все поскорее кончилось. В самом деле, стоит ли понапрасну тратить эмоции?

Когда он вышел на улицу, в зимнюю ночь, Нью-Йорк вновь стал казаться ему таким огромным и родным. И Мэй Велланд, конечно, была самой красивой девушкой не только в этом городе, но и в целом мире. Он зашел к своему торговцу цветами, чтобы заказать для своей невесты букет ландышей. Он забыл прислать их Мэй в то утро, и это его огорчало.

Пока Ачер писал записку на карточке и ожидал, когда ему принесут конверт, его взгляд случайно упал на букет чайных роз. Ему никогда не приходилось видеть розы такого золотистого цвета. Они словно хранили в себе солнечный свет. Первым его побуждением было

отослать их Мэй вместо ландышей. Нет, не ее цветы эти розы: слишком уж они пышные и вызывающе-красивые. Внезапно поддавшись порыву, и почти не осознавая, что делает, он попросил хозяина уложить розы в длинную коробку. Он взял еще один конверт и, вложив в него свою визитную карточку, написал на нем имя графини Оленской. Но когда молодой человек уже собирался уходить, он снова взял конверт и, вынув из него свою визитку, оставил его на коробке пустым.

«Их отнесут прямо сейчас?» – спросил он, кивая в сторону роз.

Торговец заверил его, что цветы будут доставлены сей же час.

Глава десятая

На следующий день он предложил Мэй «сбежать» с ним вместе на прогулку в парк сразу после ланча. В епископальном Нью-Йорке было заведено, чтобы дети сопровождали своих родителей на воскресные службы. Но в то утро миссис Велланд не пошла в церковь: слишком много накопилось дел, связанных с подготовкой к свадьбе. Одна ручная вышивка вороха вещей для приданного отнимала уйму времени.

Денек выдался чудесный. Голые ветви деревьев вдоль мола были сплошь покрыты инеем, словно ляпис-лазурью. Они аркообразно изгибались над заснеженной землей; казалось, вся поверхность усеяна мелкими, светящимися осколками кристаллов. В погожий день и Мэй сияла и раздурманилась на холоде. Она напоминала Ачеру молодой клен, прихваченный морозом. Он переполнялся гордостью всякий раз, когда видел, какими восхищенными взглядами окружающие провожают его невесту. Простая радость обладания таким сокровищем изгнала все сомнения из его души.

«Как чудесно, просыпаясь утром в своей комнате, вдыхать тонкий аромат свежих ландышей!» – пропела она.

«Вчера я поздно послал их вам. Утром совершенно не было времени...»

«Самое главное то, что вы делаете это по велению сердца, и оттого я люблю их еще больше. Эти цветы не были бы мне так дороги, если б вы присылали их в одно и то же время по утрам просто в силу заведенного порядка. Я знаю, так делал один учитель музыки... И Гертруде Лоренс Лефертс тоже присылал цветы строго по расписанию, – когда они были помолвлены».

«Неужели!» – рассмеялся Ачер; он был приятно поражен ее деликатностью и, искоса взглянув на ее румяную, как яблочко, щеку, почувствовал в себе достаточно сил и уверенности, чтобы сказать своей невесте о розах.

«Вчера, готовясь отослать вам ландыши, я увидел роскошные чайные розы и попросил упаковать их для мадам Оленской. Как вы думаете, я поступил правильно?»

«Как мило с вашей стороны! Любое проявление внимания так ее трогает! Но странно, что она об этом ничего не упоминала. Она обедала с нами сегодня и сказала, что мистер Бьюфорт прислал ей великолепные орхидеи, а наш кузен, Генри Ван-дер-Лайден, – целую корзину красных гвоздик из Скайтерклифа. По-моему, она просто счастлива, что получила их. Неужели, в Европе люди не посылают друг другу цветы? Во всяком случае, она считает, что это превосходная традиция».

«Ну, конечно, цветы Бьюфорта совершенно затмили мои!» – раздраженно сказал Ачер. Но потом он вдруг вспомнил, что в последний момент вынул из конверта свою визитку. И зачем только он заговорил об этих розах? Он хотел сказать Мэй: «Я ведь был вчера у вашей кухни», – но что-то удерживало его от этого. Если мадам Оленская ни словом не обмолвилась о его визите, ему самому было как-то неловко затевать разговор на эту тему. Но делать из этого тайну ему тоже не хотелось.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, он заговорил о планах на будущее – их будущее! – и о том, что миссис Велланд напрасно откладывает свадьбу на такой долгий срок.

«Долгий срок!.. Изабель Чиверс с Реджи были помолвлены два года, а Грейс с Торли – полтора. Куда нам, собственно, спешить?»

Это был традиционно-девичий вопрос, и Ачер устыдился своих мыслей, когда подумал, что Мэй, в сущности, еще ребенок. Вне всякого сомнения, она просто повторила то, что ей сказали ее родители. Да, но ведь ей скоро исполнится двадцать два! Ачер задавался вопросом, в каком возрасте «прекрасные дамы» начинают высказывать свои собственные мысли.

«Никогда, если, конечно, не предоставить им свободу слова», – подумал он, и в который раз вспомнил, как вышел из себя в присутствии мистера Силлертон Джексона, и свои собственные слова: «Женщины должны быть свободными, – такими же, как и мы, мужчины!»

Он чувствовал, что должен сделать все, чтобы с глаз этой молодой женщины упала пелена, и его задача – ввести ее в реальный мир. Подумать только, сколько ее предшественниц (женщин разных поколений) предпочитали тешить себя иллюзиями у домашнего очага! Ачер слегка вздрогнул, когда ему на ум пришли кое-какие новомодные советы, почерпнутые им в научной литературе; в этой связи ему особенно вспоминались рыбы-слепоглазки, живущие в пещерах под Кентукки. Глаза, как орган зрения, у них атрофированы: они им вроде бы в темноте и ни к чему. Но что если, когда он заставит Мэй Велланд открыть глаза, она не увидит вокруг ничего, кроме пустоты?

«Нам нужно все время быть вместе! И мы должны как можно больше путешествовать», – сказал он.

Ее лицо оживилось.

«Это было бы просто здорово!» – воскликнула она и призналась, что у нее страсть к путешествиям. Но вот ее мать едва ли поймет их тягу к переустройству мира, – и, прежде всего, их собственного.

«Ну, даже если и не поймет, – ничего страшного», – смело заявил молодой человек.

«Ньюлэнд! Вы такой оригинальный!» – всплеснула руками Мэй, сияя от восторга.

Его сердце забилося чаще, ибо он понял, что произнес именно те слова, которые молодые люди обычно говорят своим девушкам в аналогичных ситуациях; а Мэй, повинаясь инстинкту и следуя традициям, впитанным с молоком матери, отвечала ему именно так, как нужно. Даже ее восторженное замечание насчет оригинальности Ньюлэнда тоже было весьма типичным.

«Оригинальный?.. Нет, Мэй, мы все – как те самые куколки, которых вырезают, сложив пополам лист бумаги. Мы все – словно надписи на стене, выведенные по трафарету. Можем ли мы с вами, Мэй, вырваться из этого заколдованного круга?»

Он остановился и, в разгаре дискуссии, заглянул в лицо своей невесты. Она смотрела на него с нескрываемым восхищением.

«А мы возьмем и сбежим!» – засмеялась она.

«Если пожелаете...»

«Вы любите меня, Ньюлэнд! Я так счастлива!»

«Так давайте попытаемся стать еще счастливее!»

«Но ведь мы не можем вести себя так, как герои книжных романов».

«Но почему нет, почему?..»

Казалось, Мэй немного устала от его настойчивости. Она прекрасно понимала, что они все равно не смогут жить так, как в романах, но ей трудно было объяснить даже себе самой, почему она так считает.

«Я не достаточно умна, чтобы спорить с вами. Но не кажется ли вам, что все романы довольно вульгарны?» – сказала она, делая акцент на последнее слово, надеясь, что после этого Ньюлэнду вообще не захочется продолжать разговор.

«А вы так боитесь стать вульгарной?»

Такой вопрос явно шокировал ее.

«Разумеется, мне бы не хотелось, – да и вам, надо думать, тоже!» – ответила она немного раздраженно.

Ачер молчал, нервно постукивая палочкой по кончику своего ботинка. А Мэй, считая, что нашла верный способ прекратить затянувшуюся дискуссию, зашебетала непринужденно:

«Кстати, я не говорила вам, что показывала Элен мое кольцо? Она так прямо и сказала, что ничего подобного в своей жизни не видела. Говорит, такого не купишь даже в фешенебель-

ных парижских магазинах! Ньюлэнд, как я вас люблю! Как славно, что у вас такой превосходный художественный вкус!»

На следующий день Ачер сидел у себя в библиотеке в полном расстройстве и курил; перед ланчем к нему заглянула Дженни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.